

Евгений СУХОВ

ЗАГОВОР РУССКОЙ ПРИНЦЕССЫ

ЭКСМО

Разудалое посольство

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Заговор русской принцессы

«ЭКСМО»

Сухов Е. Е.

Заговор русской принцессы / Е. Е. Сухов — «Эксмо»,
— (Разудалое посольство)

Слишком лихо начал править Русью новый царь Петр. Еще и власти у него полной нет, а искры от его начинаний уже летят в разные стороны, грозя в будущем подпалить основы старой державы. Поэтому боятся юного правителя пуще чужеземного врага. И больше всех – его родная сестра царевна Софья. Опасаясь потерять власть, она решает убить брата. План сложный, но тщательно продуманный. Из Стокгольма прибывает прелестная графиня Корф. Зная слабость Петра к прекрасному полу, коварная иностранка хочет выманить государя в Европу, где его ждет неминуемая гибель от руки наемного убийцы...

Содержание

ЧАСТЬ 1	5
Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Евгений Сухов

Заговор русской принцессы

ЧАСТЬ 1

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ ПРИКАЗ

Глава 1

ЦАРЕВНА СОФЬЯ

Сбросив с себя одеяло, Софья Алексеевна прошлепала босыми ногами к зеркалу. Почувствовала, как бесстыдником прошелся по икрам стылый ветер, беззастенчиво погладив разнеженную от тепла кожу. Зябко поежилась.

Зеркало, купленное еще государем Алексеем Михайловичем в подарок матушке, стояло на специальной подставке и было умело вправлено в резную дубовую раму, покрытую сусальным золотом. Покои царевны, и без того праздные, становились еще более изысканными.

Тощий старый швейцарец, продававший тогда в Немецкой слободе зеркала, утверждал, что доставлено оно было из Константинополя. Поверхность слегка потемнела от времени. Изъян особенно проявлялся в самом центре полотна, и Софье Алексеевне всякий раз приходилось немного отодвигаться в сторону, чтобы рассмотреть свое изображение.

Вскинув круглый подбородок, Софья с унынием отметила перемены, произошедшие за год: под шеей вдруг образовалась долгая глубокая морщина, искривляясь, она залезала на подбородок и рассекала щеку на две неровные части; веки потяжелели, как если бы налились свинцом, и приобрели темноватый цвет.

Невесело вздохнула.

У Софьи Алексеевны была крупная голова, очень напоминающая чугунок. Над верхней губой проступали редкие жесткие волосы. Тело было коротким, необъятной толщины. Приподняв сорочку, царевна посмотрела на свои ноги, торчавшие будто свиные обрубки. «Господи, – неволью поморщилась она, – и уродилась же такая краса!».

Взяв костяной большой гребень, Софья Алексеевна запустила его в спутанные волосы и едва не застонала от боли.

Интересно, где сейчас князь Василий Голицын?

Думы о князе просветлили лицо женщины, сделав его значительно милее. Пухлые щеки дрогнули в едва заметной улыбке, когда она вспомнила прикосновение его ласковых и одновременно сильных рук.

Челядь знала царевну Софью властной женщиной, лишенной каких бы то не было душевных проявлений, и наверняка они очень бы удивились, узнав о том, что за слова государыня шепчет Василию Голицыну, оставаясь с ним наедине.

Повернув голову, Софья Алексеевна заметила на правой щеке небольшой прыщик, потерла его пальцем. Следует показаться лекарям, а то раздует в пол-лица, тогда к боярам не выйти. Царевна болезненно поморщилась, когда подумала о том, что в сей момент князь наслаждается ласками благоверной и, вкладывая в голос весь свой гнев, подступивший к горлу, закричала:

– Пелагея!

На крик в покои вбежала худенькая боярышня.

– Я здесь, матушка.

– Где тебя носит?!

Взглянув на царевну, стоящую в одном исподнем перед зеркалом, Пелагея невольно прикрыла лицо ладошкой, стараясь не шибко пялиться на срамоту.

– Ну, чего рот раззявила? Сорочку помоги надеть!

– Сейчас, матушка, – подскочила боярышня. – Вы вот рученьку сюда в рукав. Вот так, матушка.

Надев третью сорочку, Софья Алексеевна невольно фыркнула:

– Что, не нравятся мои телеса?

– Матушка, Софья Алексеевна, да как вы можете такое говорить! – яростно запротестовала боярышня, всплеснув для пущей убедительности руками.

Царевна лишь вздохнула.

– Да будет тебе! Мне тоже не нравится. А куда денешься? Поживешь с мое, так такое же пузо отрастишь.

Губы боярышни передернулись, выдавая брезгливость. В озороватых глаза так и читалось: «Уж мое-то пузо с твоим не сравнить!»

Повертевшись перед зеркалом, царевна уныло продолжила:

– Ведь я же с малолетства хворостиной была. Батюшка меня даже жердиной называл? Не веришь... Вот и мне более не верится. А теперь во как меня раздуло! – постучала Софья Алексеевна широкими ладонями по выпирающему животу.

– Худоба всегда от болезни, матушка, – убежденно заговорила боярышня, – а глядячи на вас, так сразу видно, что вы здоровьем пышете.

– Скажешь мне тоже, – отмахнулась Софья Алексеевна, но голос у царевны размяк; умеет боярышня настроение прибавить. – Ты мне вот какой кафтан принеси, Пелагея... Серебром обшитый, с малиновыми тесемками.

– В котором вы на Пасху были? – уточнила боярышня.

– Его.

– Да пояс широкий с яхонтовыми камнями.

– Уже бегу, государыня, – легкой птахой упорхнула в соседнюю комнату боярышня.

Сегодня Софья не нравилась себе особенно. Лицо выглядело отечным. Государыня посуровела: что за дела, царевна проснулась, а ни одной боярыни рядышком нет! Ковш воды поднести некому!

– Лукерья... Парамоновна! – громко позвала Софья Алексеевна. – Долго мне ждать!

– Иду, государыня, иду! – послышался в сенях встревоженный голос ближней боярыни.

Сначала из-за двери слышались торопливые тяжеловатые шаги, а затем в сенях раздавалось спешное дыхание, и в комнату влетела высокая боярыня в летнем кафтане с широкими рукавами. На худых плечах – меховая накидка. В противоположность государыне, Лукерья Парамоновна была необыкновенно тощей. Но держалась она прямо, подпирая высокой шапкой потолок. Лицо у Лукерьи Парамоновны выглядело безликим и бледным, каким может быть только луна, затянутая дымкой облаков. Но черные, чуть выпуклые глаза смотрели зорко, стараясь предугадать малейшее желание госпожи.

Лукерья Парамоновна была постельницей царевны: ей вменялось дежурить в опочивальне Софьи Алексеевны, подправлять подушку, подтягивать простынку, чтобы не сбивалась в складки, а уж если ноженька государыни выглядывала из под одеяла, так ее непременно следовало укрыть. Но чаще всего обязанность боярыни заключалась в том, чтобы поднести царевне прохладного кваску да убрать поутру переполненный горшок.

Нахмутив брови, Софья Алексеевна хотела уже было отругать ближнюю боярыню, но, натолкнувшись на заискивающий взгляд, только ворчливо буркнула:

– Где же тебя носит-то?

– В горле что-то запершило, матушка, – охотно отозвалась боярыня. – Ковшик наливки клюквенной испила. Кажись, прошло. – Восторженно всплеснув руками, беззастенчиво польстила: – Какая же ты красивая, Софья Алексеевна! Век живу, а вот такой красы сроду не видывала!

За что держала царевна подле себя нерадивую боярыню, так это за откровенную лесть. Как тут не поверить сладкоголосой! Иной раз глянешь на себя в зеркало и невольно подумается: а может, не столь дурна, как самой видится.

Но сей раз боярыня перестаралась; и в ее визгливом голосе прозвучали откровенно фальшивые интонации. Но гневиться Софье спозаранку не хотелось.

– Дуреха ты, Парамоновна, – примирительно произнесла царевна. – Какая же из меня краса, ежели на правой щеке прыщ выскочил. Глянька-ка!

Лукерья Парамоновна подалась вперед. Подслеповато прищурившись, посмотрела на лицо Софьи:

– Не видно, государыня.

– Да ты совсем слепая стала! О, как раздуть может! – надула Софья Алексеевна и без того толстые щеки.

– Да к тебе, государыня, никакая зараза не пристаёт, – поспешила убедить ближняя боярыня. – Уж как мы молимся за твоё здравие!

– Хватит тебе разливаться! – прервала хвалебную речь государыня. – Давай пойдем в мыленку, авось, хворь и отступит.

– Как не пройти, Софья Алексеевна? У такой красавицы все пройдет! А я еще и на восковую фигурку для верности поплюю. Все как рукой снимет.

– Да куда же это бедовая боярышня-то подевалась? – посетовала царевна. – Я ведь ее за кафтаном отправила!

– Во дворе он висит, матушка, – влетела в комнату запыхавшаяся Пелагея. – меховой воротник молью побил. Вот как перешью, государыня, так сразу и принесу.

Софья Алексеевна нахмурилась. День не задавался: мало того, что половину ночи промаялась от бессонницы, так под утро едва не скатилась с кровати, и, не оказавшись рядом верной боярыни, так и ходила бы сейчас с разбитым ликом.

– Пойдем в мыленку. Не забудь настой боярышника прихватить, – напомнила государыня, – дух дурной перебивает.

– Дворовые девки уже с утра растопили печь, холодной воды натаскали.

– А нечисть разогнали?

– А то как же! – почти обиделась боярыня. – Духовник твой приходил, матушка, с утра мыленку благовонным ладаном окурил.

Откушав пирогов с маком, Софья Алексеевна в сопровождении боярынь направилась в мыленку. Поспешая впереди государыни, Лукерья Парамоновна распахнула дверь. В нос ударил запах настоявшегося многотравья. Вдохнула царевна в себя сладковатый дух, а потом изрекла, перевалившись через низкий порожек:

– Покрепче махорки будет. До самого пуза пробрало. Ну чего, девки, окостенели?! – прикрикнула она на челядь. – Помогите государыне сорочку снять.

Подле раскаленной печи стояла стоведерная бочка для мытья, до самого верха наполненная теплой водой, а к ней для пущего удобства была приставлена скамеечка. На поверхности крохотными корабликами колыхались лепестки ромашки.

Вспорхнули девки веселой потревоженной стайкой, окружили государыню, щебеча что-то веселое, и разом потянули рубаху, едва не обрывая рукава.

– Исподнюю не тяните! – прикрикнула Софья на нерадивых. – Не нагишом же мне в мыленке шастать!

Оставшись в одном нательном, просыревшем от тяжелого пара, государыня выглядела теперь еще более тучной. Туловище казалось почти необъятным, а огромные перси свисали чуть ли не до пупа, делая царевну откровенно безобразной.

Дверь в баню приоткрылась, выстужая пар, и в проеме предстала Лукерья Парамоновна. Картинно сложив руки у подбородка, громко возликовала:

– Красота-то какая неопишная, матушка! Свет еще такой не видывал!

– Да гоните в шею эту юродивую! – неожиданно прогневалась царевна.

Дверь мгновенно прикрылась, прихватив с собой заодно и клубы тяжелого пара. Царевна оглядела свои телеса: «А вдруг не врет старая!» И тут же поняла, что в очередной раз попалась на обыкновенную лесть.

– Пелагея! – позвала государыня.

– Да, матушка, – откликнулась боярышня, перебирая дубовые веники.

– Пороть бы вас надо, нерадивых, да уж больно жаль дурех эдаких! Ко мне бежать надо, а ты все с веником вошкаешься.

Подскочив к царевне, боярышня смиренно склонилась. И уже в который раз Софья Алексеевна позавидовала ее стройному гибкому стану.

– В чем ты виновата, девка, признавайся! – сурово допытывалась Софья.

Боярышня перепугалась не на шутку:

– Ни в чем, матушка.

– Тогда чего глаз на меня поднять не смеешь?

Боярышня приподняла красивую головку. Глаза лучились счастьем. Будет же какой-то дурень мять такую любаву ненаглядную!

– Ну чего стоишь? – нахмурилась царевна. – Зеркало носи. На красу хочу глянуть.

Колыхнув длинным подолом, девица выскочила из мыленки, впустив в помещение стылый воздух.

Мыленку Софья Алексеевна любила сызмальства. Посидишь в бочке с водицей по самое горлышко, попаришься с веничком, разопреешь как следует и отлипнет от души всякая дурная короста. И кажется, что далее заживешь как при папеньке с маменькой. Также беззаботно.

Девица принесла зеркало. Софья Алексеевна отерла ладонью гладкую от пара поверхность. Толстые губы широко растянулись в располагающей улыбке.

Глянулась!

На нее смотрело румяное помолодевшее лицо. «Эх, видел бы ее сейчас князь Василий Васильевич Голицын!» – подумалось в сердцах царевне. Так нет рядышком доброго молодца.

Тело царевны девки натерли лыковыми мочалками, для крепости ополоснули колодезной водой. А потом долго мяти кожу сильными пальцами, придавая ей должную упругость.

Помывшись, Софья Алексеевна переделалась во все лучшее, зная, что в сей час в Боярской думе ее дожидается князь Василий Голицын. При мысли о дражайшем сердцу Василии Васильевиче в груди сладенько защемило. Приятно было и то, что свой родительский долг князь не забывал и, оставаясь наедине с Софьей, частенько расспрашивал о сыне.

От князя Голицына Софья Алексеевна понесла уже второго сына. Первый очень напоминал Петра, был столь же долговязым и, видимо, оттого не особенно любимым, но зато младшенький уродился в отца. Взгляд у него был смысленный, пронизательный, каким обычно взирает на собеседника Василий. Оставаясь у Софьи вечерять, он частенько брал младшего на руки; подержит малость, подкинет разок, да и передаст мамкам, смотревшим на боярина с умилением. И Софья Алексеевна не без злой ревности думала о том, что детей, нажитых от законной супружницы, он любил значительно больше. В какой-то момент ее лицо озарилось счастьем: «Вот если бы его супруга ушла в монастырь, вот тогда бы ничто не помешало нам быть вместе».

Софья Алексеевна вошла в Думу.

От прежнего местничества остались только длинные лавки, покрытые зеленым сукном, да большой трон, на котором прежде восседал Алексей Михайлович.

У решетчатого окошка, занавешенного бархатом, сидел Василий Васильевич Голицын.

Увидев вошедшую царевну, князь поднялся, покорно склонив голову в приветствии. Русского кафтана Василий Голицын не признавал, одевался в немецкие камзолы, которые очень шли к его худощавой подтянутой фигуре. Бороды тоже не носил, предпочитал усы – тоненькие, аккуратно подстриженные.

В комнату Софья Алексеевна ступила величаво, будто бы могучий корабль в гавань. Прощелестев тонкими шелками, присела рядышком с князем, мгновенно окутав его облаком благовония. Запершило у Василия Васильевича в носу, но ничего – удержался, не чихнул.

Некоторое время любовники сидели молчком, едва касаясь рукавами, не потому что нечего было сказать, а оттого, что складно на душе. Руки князя Василия Голицына успокоились на коленях. Ладони у него широкие, крепкие, красивые, на безымянном пальце – ненавистное обручальное колечко с изумрудом. Будто бы угадав мысли государыни, Василий Васильевич сжал пальцы в кулак, спрятав от взгляда Софьи кусочек золота.

– Свет мой батюшка, надежда моя, – протянула ласковым голосом Софья Алексеевна. – Я же тебя вчера ждала. Ты подумать обещал.

Пухлая рука государыни скользнула к ладони князя, а потом, словно устыдившись откровенности, остановилась, не добравшись до кончиков пальцев всего лишь на дюйм.

– Софья, мы уже говорили с тобой об этом, – устало протянул князь. – Не могу я оставить жену.

– Василий, – взмолилась царевна, – подумай, как мы бы с тобой жили счастливо, если бы были вместе...

– Мы с тобой и так вместе...

– Отправь ее в монастырь! А потом женись на мне. Государем всяя Руси будешь!

– Не могу я супружницу отправить в монастырь. Пойми ты, Софья, жена она мне. Что люди на это скажут? А потом у нас ведь детишки подрастают, каково же им без матери будет?

Лицо государыни посуровело.

– А разве я тебе деток не нарожала? Разве они не твои?

Густые брови Софьи Алексеевны сомкнулись на переносице. Еще какую-то минуту назад она гляделась мягкой, как взбитая перина, и вот теперь черты разом погрубели, сделавшись почти мужскими. На выпуклых скулах проступили крупные родинки, заросшие черными неопрятными волосами.

Теперь понятно, почему челяди она внушала такой трепет. Смотреть на нее было страшно.

– Не о том ты говоришь, Софья, – покачал головой Василий Васильевич, стараясь сгладить неловкость.

– Чем же я тебе не любя?

– Люба ты мне, Софьюшка... Только ведь мы с Евдокией в церкви венчаны. Я клятву перед богом давал. Не могу я ее нарушить.

Полное лицо царевны разом размякло.

– И мне дашь. Всяк тебя батюшкой величать будет.

Василий Васильевич вздохнул:

– Да мне и без того хлопот хватает. А потом еще это... О государстве я думаю, ведь все на мне держится, за все я отвечаю. Ежели что не так пойдет... Тут вот как-то после вечерни посол голландский за Кокуй вышел, так у него кошель пограбили с серебром да порты сняли.

– Как же это он бесштаный до дому-то дотопал? – не то посочувствовала, не то съязвила государыня.

– А вот так и дотопал! Только потом разговоров на всю Москву было. Голландцы ко мне целой толпой заявились, требовали, чтобы разбойников разыскал.

– И ты что?

– И что мне объяснить? Говорю им, стрельцов пошлю, татей непременно отыщут. А сам думаю, пусть бы порадовался, что живота не лишили, а он о пропавшем серебре кручинится. Но разве только это! – почти в отчаянии воскликнул Василий Васильевич. – Всеми делами зараз заниматься приходится: за государством смотри, жалобщиков и всяких ябедников принимай. Все ко мне идут! Ладно, чего уж об этом... Ты вот, говоришь, царем будь... Думаешь, легко это?

– Василий, я же не говорю, что легко, а только возможно, – взмолилась Софья. – Все в нашей власти. Нужен ты мне!

– А не думаешь о том, что братец твой младший подрастает? Не боишься, что может прийти время, когда он сам к тебе заявится и скажет, а не пора ли тебе, Софья, в монастырь? Дескать, вырос я уже, царем стал!

Дверь в Думу слегка приоткрылась, и в щель протиснулась остроносая физиономия ведуньи. Не далее как три дня назад она пообещала приготовить приворот на любовь, замешанный на курином помете. Государыне оставалось только вспрыснуть отвар в чай Голицыну, а там дожждаться, пока он спечется и сам предложит Софье пойти под венец.

Старушечьи глаза подслеповато прищурились, пытаясь проникнуть в полумрак. Князь Голицын, распрямив спину, сидел сычом. Да и царевна пригорюнилась. Непохоже, чтобы между любовниками все как надо заладилось. Видать, куриный помет не столь ядреным оказался. Нужно будет на птичьем дворе подходящий подыскать.

Вздохнула старуха горестно и прикрыла за собой дверь, едва не прищемив хвост белому нахальному коту, пытавшемуся протиснуться в проем. Огромный, с пушистой шерстью, он важно прошел до середины комнаты, осмотрелся величаво и, развалившись, принялся лизать под хвостом.

– Молод он еще, – отмахнулась царевна.

– Это сейчас он молод, а что будет через годик, когда баловство закончится? – засомневался князь.

– Да у него в голове только баталии одни! Вот всех гусей на озере перепугал со своей флотилией. Теперь там даже карасей не наловишь.

– Что-то в твоём братце есть, – задумчиво протянул Василий Голицын. – Если голову где-нибудь в потешных бранях не сломит, то большим государем может стать. Как-то я мимо Преображенского села проезжал, так его потешные полки в это время крепость брали. И что ты думаешь... Твой братец впереди всех бежал, а еще саблей размахивал. От прочих солдат его и не отличишь. Так ему в горячке сражения даже по уху двинули. А он только кафтан отряхнул и далее помчался. А потом на крепость стал карабкаться. Шустрый он у тебя, раньше других залез.

– И голову не свернул? – с надеждой спросила царевна.

– Не свернул... Потом на самой стене побоище учинил. Трое детин его обступили, так он их как котят от себя расшвырял. Так что и силушкой Петр не обижен. А ведь Петр и вправду тебя с трона спихнет и с детьми твоими не посчитается.

Кот подправил помятую красоту и, выгнув спину, направился напрямик к Василию Васильевичу. Потеря белым бочком о шерстяные гольфы князя и, промурлыкав, запросился на колени. Князь осторожно отодвинул кота ногой, и тот, обиженно подняв хвост, прыгнул на руки государыни.

Вот где настоящее раздолье!

Потоптавшись на широких бедрах царевны, он вытянулся и сладко заурчал под широкой и мягкой ладонью. Короткие пальцы государыни зарылись в густую шерсть.

Царевна посуровела:

– Что же ты предлагаешь?

– Мое дело предупредить, а твое решать.

– Сама об этом думала не раз. Как-то нам избавиться от него нужно, – просто сказала Софья Алексеевна. – Если мы этого не сделаем, так он ни тебе, ни мне покоя не даст.

– Что же ты предлагаешь? Порешить его, что ли? – не сразу подобрал князь подходящее слово.

Пальцы государыни сцепились, вырвав на загривке у кота волоски. Животное недовольно пискнуло и укоризненно взглянуло на Софью Алексеевну.

– А хоть бы и убить!

– Было у нас уже на Руси убийство, – горестно заметил князь. – До сих пор народ успокоить не можем.

– Сейчас все будет иначе, – заверила Софья. – Петр любит тушить огонь. Его легко убить во время одного из пожаров. Например, придавит горящая балка. Все будет напоминать несчастный случай.

– Если с Петром что-то случится в Москве, так тебя же первую и обвинят, Софья.

– Что же тогда нам остается? Ждать, пока он нам шею свернет? А ведь правильно ты говоришь! Так оно и будет! Мне тут сказывали, что Петр грозил мне. Говорил, что никогда стрельцкий бунт не забудет. Придет время, и он обязательно со мной поквитается.

Голицын поднял глаза на Софью. Лицо у государыни было не грубое. Ее можно даже назвать симпатичной, если бы не злые упрямые губы, что отобрали остатки очарования. От прежней девицы, которую он когда-то впервые познал в царском охотничьем доме, остались только глаза, продолжавшие смотреть на него, как и прежде, доверчиво и лукаво.

Василий Васильевич без конца сравнивал двух дорогих его сердцу женщин и неизменно отмечал, что внешностью Софья проигрывает его супруге Евдокии Ивановне Стрешневой, от которой он имел шестерых детей: четырех мальчиков и двух девочек. Тучная, лишенная напрочь какой бы то ни было осанки, царевна будто бы не шла, а перекатывалась, переставляя короткие ноги.

Для князя оставалось загадкой, почему эта женщина так долго удерживала его подле себя. Василию Васильевичу было с чем сравнивать, – за свою жизнь ему приходилось мять куда более обворожительные тела. Даже голос у царевны был низковатый, с заметной хрипотцой. А уж эта ее привычка жевать табак! Она просто выводила князя из себя.

И все-таки в Софье Алексеевне было немало такого, что отличало ее от прочих женщин: в первую очередь, прагматичный и гибкий ум. Это с лихвой компенсировало многие физические недостатки.

Князь Голицын любил царевну. Быть может, не с такой страстью, как супругу, не отдавая ей при этом всего себя, но вместе с тем Софья занимала в его душе огромную часть, и, лишись он всего этого, так наверняка почувствовал бы себя изрядно обделенным.

Сбросив кота с колен, Софья Алексеевна потянулась к табакерке. Кот перестал ее интересоваться. Взяв толстыми пальцами щепотку табака, она положила ее за щеку.

– Чем же он еще занимается, кроме баталей?

– В Немецкой слободе пропадает, там у него приятели выискались.

– Я слышала, что у Петра появилась новая привязанность.

– Это правда, – согласился Голицын; в свите Петра Алексеевича у князя были свои люди, которые докладывали ему о каждом шаге царя. – Монахом он не живет. Сейчас у него немка Анна Монс. Лет пять назад она приехала в Москву из Вены.

– Чем же она занимается?

– Ее отец продает вина, да вот еще кренделя разные. А Анна Монс при нем.

– А вино вкусное? – неожиданно спросила царевна.

– Сладкое, – кивнул Василий Васильевич. Улыбнувшись, добавил: – Вот в этом вся причина. Производство вина у них семейное дело. Много лет этим занимаются – его отец, он сам и его братья.

– Как же они в Россию-то попали?

– Однажды его брат добавил в вино сахара, чего у них нельзя делать под страхом смертной казни. Вот ему и отрубили голову.

– Ужас-то какой! – вымолвила государыня.

– Стали преследовать всю семью, он вынужден был уехать в Россию.

– А девица-то хоть хороша? – неожиданно спросила царевна, просверлив любовника черными глазами.

Князь Василий Голицын видел австриячку дважды. Высокая, смуглая, худощавая и столь непохожая на всех русских женщин она невольно притягивала к себе заинтересованные мужские взгляды. Даже смотрела она иначе, чем русские бабы – открыто, с некоторым вызовом. Московитка при разговоре очи в землю потупит, а у этой лукавство так и брызжет, как будто бы на грех подбивает. И князь не однажды ловил себя на грешных мыслях: «Сграбастать бы такую любовь да в лесок!».

Так что Петру Алексеевичу можно было даже позавидовать.

Князь деланно нахмурился, стараясь не выдать распивавшего веселья нечаянной улыбкой, и проговорил, посмотрев на удаляющегося кота:

– Тощая больно. Не по мне!

Вот теперь можно было посмотреть на государыню. На лице царевны застыло удовлетворение. Не подвел любовничек!

– Хм... А Петру, значит, приглянулась?

Вновь Голицына одолело веселье, насилу справился: как же такая девка не понравится! Разодрал уста и смех, готовый уже было вырваться наружу, обратил в легкое покашливание.

– Кхм... Кхм, – задержал Василий Васильевич кулачок у рта. – Видать, приглянулась. А ему все бабы нравятся, – безнадежно махнул он рукой. – Ни одну мимо себя не пропускает.

– А есть среди них такие, которые могли Петру голову задурить? – неожиданно спросила царевна.

Всей Москве было известно, что, кроме баталий, Петра Алексеевича интересовали девицы. В иные времена государь напоминал кабана в период гона, и для него подчас не имело значения, какая именно барышня находится рядом, какого она сословия, а то и возраста. Подхватив ее за талию, он спешил уединиться в укромном уголке. Но никто не сомневался, что предпочтение Петр отдавал немкам. Вот потому и хаживал в Кокуй.

Поговаривали, что мимо себя царь не пропускал ни одну хорошенькую чужеземку.

Однако в нескончаемой череде его любовных побед особое место занимала одна девица – дочь булочника, француженка Жаклин. Доступная и легкомысленная, она сумела надолго вскружить самодержцу голову, всякий раз выживая у него за грешную любовь горсти золотых монет. Петр Алексеевич настолько увлекся француженкой, что порой отменял намеченные потешные баталии только для того, чтобы провести с прелестницей часок наедине.

На какое-то время в объятиях любвеобильной француженки Петр Алексеевич позабыл даже про государевы дела, охладил к своим полкам.

Через какое-то время Жаклин исчезла.

И по Москве прошел слухок, что она уехала из Москвы с заезжим немецким купцом, но у Василия Васильевича имелись серьезные основания подозревать, что любвеобильную Жаклин «кухаркины дети» закопали где-то за пределами города, дабы не смущала она поносными речами Петра Алексеевича и не отваживала его от державных забот.

С того времени уже миновал почти год, но Петр Алексеевич продолжал тосковать о пропавшей Жаклин.

– Была одна француженка, – подумав, сказал князь.

– Кажется, ее звали Жаклин, – уточнила государыня.

И Василий Голицын в который раз убедился в том, что Софья Алексеевна зорко приглядывала за братом. Мимо ее внимательных глаз не проскакивала ни одна его душевная привязанность. Наверняка в свите Петра Алексеевича царевна имела своих соглядатаев, которые докладывали о каждом его шаге. Недоверчивая по природе, Софья умело контролировала свою челядь. Василия Васильевича неожиданно обуял страх: а что если и за ним следят точно так же, как и за Петром!

А вдруг к исчезновению Жаклин причастна сама царевна? Закопали стрельцы несчастную девку где-нибудь за посадами по приказу государыни, чтобы братцу досадить, а теперь она от удивления бровями водит.

Князя Голицына передернуло от дурного предчувствия. Месяц назад Василий Васильевич сошелся с красивой двадцатилетней стрелецкой вдовой из Пыжевской слободы. Грешными делами они занимались в дачном царском домике на берегу Яузы. Свою шальную и нечаянную привязанность князь скрывал от всех и всегда с нетерпением дожидался того часа, когда мог бы сполна насладиться красивым телом. Но теперь Василий подумал, что его сердечная тайна давно уже известна царевне. Наверное, о каждом его свиданье с красивой вдовой Софье докладывают кравчие.

А что если однажды он не застанет вдову? И при следующей встрече Софья будет недоуменно поднимать широкие брови и сетовать на скверное настроение князя? Такие женщины могут смириться с присутствием жены, но не простят очередной привязанности на стороне.

– Вот что я тебе хочу сказать, князь. Нам нужно отыскать такую же женщину, как эта Жаклин. Она была миленькой девушкой, но глуповатой.

От Василия Васильевича не укрылось то, что Софья говорила о француженке в прошедшем времени.

– А нам нужна такая, чтобы Петр от любви к ней голову потерял. А вот когда она уедет за границу, то Петр должен поволочиться за ней, – Софья сделалась задумчивой. Казалось, что ее одолевают сомнения. Широкий выпуклый лоб разделила глубокая складка – Софья Алексеевна приняла решение:

– И вот когда Петр окажется там, тогда его можно и порешить.

Последние слова царевна произнесла спокойно, как если бы ежедневно выносила приговоры.

– И какая же это должна быть девица? – спросил Голицын, стараясь не выдать своего волнения.

– Желательно, чтобы шведка, – так же просто отвечала Софья Алексеевна.

По тому, с какой интонацией царевна вела разговор, было понятно, что эта мысль пришла к ней не сейчас. Свой план Софья, конечно, вынашивала давно, как заботливая мать созревающий плод. Вот и проговорила! А теперь решила рассказать: ну-ка, глянь, князь, что из этого может выйти!

Поободрав коготками зеленую ткань, кот расположился на широкой лавке. Еще совсем недавно на ней сиживали ближние бояре с князьями и рвали друг другу бороды за честь находиться рядом с государем всея Руси. А теперь запылившаяся лавка выглядела сиротливо и была нужна разве для того, чтобы дворцовый кот мог прилизать здесь свою красоту.

– Почему именно шведка? – не удержался от вопроса Голицын, посмотрев на государыню.

Василию Васильевичу очень хотелось прочитать на лице Софьи нечто, похожее на сомнение, или хотя бы увидеть душевную сумятицу, но его встретил прямой и жесткий взгляд. Теперь подле него была не женщина, стонущая под беззастенчивыми мужскими ласками, а

твердая правительница земли Русской, собиравшаяся крепко держать в руках власть и не желавшая делить ее даже с братом.

– Я изучила слабости Петра, – глуховато произнесла Софья. – Внешне шведки как раз такие, каких любит мой разлюбезный братец. Но самое главное – они до сих пор не могут забыть поход моего батюшки на Ригу. Так что сумеют найти способ отыграться на русском царе!

Голицын сделался мрачным. Следовало отговорить царевну от этой затеи, но как это сделать, князь не знал.

– Что же ты предлагаешь? Отправить Петра в Стокгольм и там его убить? Но если русский царь будет умерщвлен на территории Швеции, то возникнет политический скандал, – Голицын постарался придать своему голосу как можно больше убедительности. – Мы не сможем оставить такое преступление безнаказанным. Будет война! А у шведов сейчас самая сильная армия в Европе.

Софья улыбнулась:

– Кто тебе сказал, князь, что Петр погибнет на территории Швеции? Петра можно, например, убить в Кенигсберге или в Германии. Надо отыскать женщину, за которой он будет волочиться по всей Европе. У тебя есть на примете такая?

Сейчас Софья Алексеевна выглядела на редкость некрасивой, почти уродливой, но князь уже в который раз подумал о том, что ее блистательный ум скрыт под невыразительной оболочкой. А как известно, острый разум обращает на себя внимание не меньше, чем телесные изъяны.

И что самое скверное, царевна не могла не знать о его любовной связи, которую князь завел в Риге.

* * *

После смерти своей первой жены Федосьи Васильевны Долгорукой, чтобы хоть как-то заглушить навалившееся горе, князь Голицын напросился послом в Стокгольм для закрепления «вечного мира» со Швецией. Лучшей кандидатуры, чем он, трудно было придумать. Получивший блестящее домашнее образование князь отлично говорил по-немецки и по-гречески, превосходно знал латынь. Иностранцы, служившие в России, в лице князя Голицына видели своего единомышленника. В его доме, обставленном по последней европейской моде, они всегда могли рассчитывать на самый радушный прием.

Уже на третий день пребывания в Риге Голицын оказался за одним столом с очаровательной восемнадцатилетней графиней, сумевшей увлечь князя с первой же минуты общения. Позабыв про расставленные деликатесы, Василий Васильевич бестолково пялился на крохотную «мушку» на ее высокой левой груди. Ему ли не знать, человеку, выросшему на европейской культуре, что черненькая «мушка», приклеенная недалеко от соска, была ничем иным, как приглашением на тайное свидание?!

Василий Голицын растерянно слушал молодую графиню и так же невпопад отвечал, думая о предстоящем randevu. И только когда она неожиданно заторопилась, кокетливо улыбувшись на прощанье, князь шепнул, что будет с нетерпением ожидать ее в номере гостиницы.

Графиня пришла ближе к полуночи. Молодая. Таинственная. Красивая.

Голицын чуть не задушил ее в своих объятиях, когда она перешагнула его гостиничный номер.

Слегка отстранившись, графиня сдержанно произнесла с полуулыбкой:

– Князь, вы не дадите снять мне корсет. Если я этого не сделаю, то это обстоятельство очень осложнит наше... дальнейшее общение.

Как ни была хитра на постельные выдумки покойная Федосья Васильевна, но до графини Корф ей было далеко. Перепоручив все свои дела окольному Адашеву, князь так и провалялся с ней в постели всю посольскую миссию. И даже уехав из Риги, долго не мог позабыть гибкое и молодое тело графини Корф.

Свою встречу с графиней Василий Васильевич воспринимал как счастливый случай, подаренный ему проведением, и только много позже один из приближенных шведского короля сообщил ему о том, что молодая дама являлась лучшим агентом военного министра.

Вот такая женщина, столь же умная, как и царица Софья, с внешностью античной богини, вполне могла всецело увлечь молодого Петра.

Вернувшись с посольством в Москву, Василий Васильевич некоторое время ходил как очумелый, не в силах разобраться в самом себе: не то от неожиданного вдовства, не то от шальной иноземной любви. Именно в сей период между ним и царицей и произошла приязнь. Испугавшись неожиданного признания государыни, князь Голицын шарахнулся в другую сторону и женился во второй раз на Евдокии Ивановне Стрешневой, которая через год разродилась первенцем.

* * *

– Есть на примете такая женщина. Ее зовут графиня Корф, – разорвал наконец князь Голицын затянувшееся молчание. – Она проживает в Стокгольме и считается доверенной персоной самого короля.

– Что она за женщина? – по-деловому спросила Софья Алексеевна.

– Хм... Даже как-то сложно сразу сказать. Во-первых, необычайно умна, во-вторых, образована, в третьих, очень красива. Но самое главное – такая женщина способна увлечь даже самого искущенного мужчину, а влюбить в себя Петра Алексеевича для нее будет и вовсе пустяшной забавой.

– Ты с ней знаком? – в голосе государыни прозвучал холодок.

Вот когда не следует сдерживать ликование. Широкая улыбка разодрала рот князя, обнажив крепкие белые зубы.

– А ведь ты ревнуешь, Софья...

– Вовсе нет, – без должной уверенности произнесла царица.

– Мне ее показал человек, с которым она провела всего лишь одну ночь. Он выложил за ее любовь, кроме целого состояния, еще и державные секреты. Графиня сумела выпотрошить из него все государственные тайны, за что впоследствии он был отлучен от королевского двора.

Брови Софьи Алексеевны изогнулись.

– Вот как... И что же это был за человек?

– Двоюродный брат курфюрста Саксонии.

Выпуклое чело собралось в три продольные складки.

– Дорого стоят услуги такой женщины? – осторожно поинтересовалась государыня.

– Разумеется.

– Ради задуманного я готова пожертвовать батюшкиными драгоценностями.

– Думаю, что фамильное золото продавать не придется. У меня при дворе Карла XI есть свой человек. Я спишусь с ним завтра же, а там как господь рассудит, – успокоил государыню Василий Васильевич.

– Как зовут этого человека?

– Граф Йонссон, – после некоторого раздумья отвечал князь.

Глава 2 НЕПУТЕВЫЙ СУПРУГ

Окруженная мамками да боярышнями государыня Евдокия Федоровна плела кружева, посматривая иной раз в запотевшее оконце: а не появится ли Петр? Узор не поддавался, белая шелковая нить то и дело слетала с пальца, от чего царица только вздыхала, думая о сокровенном. Девки, сидевшие молчком, затаили было песню, но, натолкнувшись на скорбный взгляд царицы, сбились с такта и умолкли, не допев куплета. Негромко, стараясь не нарушить воцарившегося затишья, лишь иной раз переговаривались короткими фразами.

Вечерело.

Дворец утопал в сумерках. Время было собираться на молитву, но Евдокия Федоровна не торопилась.

– И что же ему на месте-то не сидится! – в сердцах воскликнула она, невесть к кому обращаясь.

Две боярыни, сидевшие рядом, согласно закивали. Дело ясное: государыня молвила о Петре Алексеевиче, проводившем время вдаль от царского дворца.

– Видно, такой он уродился, – отвечала старшая из боярынь Марфа Михайловна Нарышкина, старуха лет семидесяти, со сморщенным темно-желтым восковым лицом. Нарышкины ближе других боярских родов стояли к Лопухиным, а потому место рядом с царицей она занимала по праву. – А ты бы ему внушение сделала, напомнила бы, как при отцах наших поживали. Глядишь, он и образумится.

Заброшенная было петля сорвалась с ногтя, и заточенный конец спицы слегка оцарапал кожу. Болезненно поморщившись, Евдокия произнесла:

– Да сколько же ему напоминать, Марфа Михайловна! Только об этом и говорю, а он опять за свое. Думала, что хоть после рождения Алексея угомонится, дома почаще бывать станет, а он помиловался с чадом недельку и опять по своим делам ускакал.

Боярышни притихли, слушая сердечный разговор царицы с ближней боярыней. Ох, несладко приходится горемычной! Бабыя доля, одним словом. Ей все едино, кто перед ней: государыня или крестьянка.

– Непутевый он у тебя. Попривыкнуть бы тебе надобно.

– Непутевый, – легко согласилась Евдокия Федоровна, – вот только никак не могу к этому привыкнуть. На ту пятницу вместе завтракали, Петруша даже потрохов куриных попросил. А потом приголубил меня, лапушкой назвал, в щеки трижды поцеловал. Думала, что образумился, забыл про свои потехи, а он опять за свое взялся, теперь нептуновые сражения на озере устраивает.

– Нептуновые сражения это что! – произнесла другая боярыня, Анна Кирилловна Голицына, высокая еще не старая женщина. Лицо круглое, с махонькими ямочками на пухлых щеках, даже распашная ферязь не могла скрыть высоко поднятой груди. Положив на колени кружева, махнула ладошками: – Тут Петр фейерверки запускал, так три дома спалил дотла, а потом сам их и тушил, как угорелый! Даже переодеваться не стал, так чумазым да драным по Москве расхаживал. От него даже торговки шарахались, за чумного принимали. Чудной у нас государь, не бывало у нас прежде таких.

Евдокия скорбела об умершем сыне:

– Если бы не его забавы, так может быть и младшенький наш сынок, Сашенька, был бы жив. Не досмотрели!

– Приворожить тебе его надо, Авдотьюшка, – склонившись к ней, нашептала Марфа Михайловна, – я тебе тут зелье одно сготовлю приворотное. Как только его государь отведаст, так он все свои забавы позабудет.

Боярыня Нарышкина была одной из немногих, называющих царицу прежним именем, какое она имела до замужества. Если и гневалась Евдокия, так только для виду; ежели не замечать, так весь двор начнет ее по-старому величать. А ведь не подобает – с новым именем для нее началась и новая жизнь.

Брови царицы гневно изогнулись и, встретившись у переносицы, сломались в кривую линию. Она нахмурилась всерьез:

– Марфа Михайловна, сколько раз я тебе говорила, что я теперь не Авдотья, а Евдокия! Авдотьей я в девках была, а теперь я царица и имечко мое поменялось. Так что зови, как положено. Или ты порчу на меня навести хочешь?

Голова старухи затряслась от усердия:

– Бес меня попутал, матушка Евдокия Федоровна. Это я все по своему скудоумию запомнить не могу! Не голова у меня, а дырявое решето! Все наружу выскакивает, ничего не держит...

– Уж, ты постарайся, Марфа Михайловна. Эдак меня каждая девка начнет называть.

– Ты послушай меня, что я тебе скажу, – все тем же заговорщицким голосом продолжала старуха. Кружевное плетение было отложено за ненадобностью в сторону и на потеху крупному белому котенку. Потрепав оброненный клубок, он разлегся на ковре, сладенько сощурившись. – А только я верное средство знаю, ни один отрок против него не устоял. Дьякона Лопухина знаешь?

– Это тот, что с Благовещенского собора? – заинтересовалась Евдокия.

– Он самый, матушка, – обрадованно воскликнула старуха.

– Кто же не знает этого горького пропойцу? – подивилась царица. – Дай ему волю, так он последние порты пропьет. Как его еще батюшка Анисим при соборе держит!

– Так вот я тебе скажу, голубица моя сердешная Евдокия Федоровна, – страстно нашептывала старица, подавшись вперед. Лицо ее напоминало печеную репу. Глубокие морщины густо покрывали пожелтевшую от старости кожу, и невозможно было понять, какие чувства скрываются за пластами времени. От старухи пахло прелым луком, и Евдокия невольно поморщилась, сдерживая неприязнь. – Как только я ему порошок в гречневую кашу сыпанула, так он все свое пьяное зелье позабыл. Даже на баб не смотрит. А тебе, родимая, я такое присоветую, что он все свое баловство забудет, только на тебя, родимую, и будет глядеть.

– А ты послушай ее, государыня, – встряла в разговор Анна Кирилловна. – Боярыня дело говорит.

В крупных глазах Евдокии вспыхнул интерес. Повернувшись к боярышням, открывшим рты от любопытства, она прикрикнула:

– А ну, боярышни, подите прочь! Мне с мамками переговорить нужно.

Забрав рукоделие, боярышни проворно просочились в коридор.

– Что же это за средство такое приворотное? – спросила государыня, когда за последней девицей закрылась дверь.

– Порошок высушенной жабы, – неожиданно горячо заговорила старуха, продолжая дышать в лицо сопрелым луком. – Я его со шкуркой медянки смешала, а потом уголька в него добавила.

– И что же я со всем этим добром делать буду? – рассеянно спросила Евдокия Федоровна.

– Ты снадобье в кашку сыпани, государыня.

– И много?

– Самую малость. Пару шепоток. Как Петр Алексеевич проглотит, так он, кроме тебя, ни о чем более думать не станет, – убежденно заверила старуха.

– А если заприметит? – засомневалась царица.

– Да где же ему заприметить-то! – запротестовала Марфа Михайловна. – У нашего царя в главе только одни корабли да пушки! Вон какую грязь со дна озера поднял. Всех рыб перепугал! Тут бабы как-то белье хотели ополоскать, так только в тине перепачкались.

– А если все-таки заметит?

– Ну ежели... – задумалась старуха. – Тогда нас обоих со света сживет...

– Ой, что же мне тогда делать! – бессильно всплеснула руками царица.

– А ты, матушка, похитрее будь, – беззубый рот яростно зашевелился. В самых уголках стал виден желтоватый налет, оставленный от проглоченной пищи. – С лаской к нему подойди. Кушанье в светелке приготовь, а когда он отвернется, так ты ему шепотку и брось, а потом перемешай. Можно даже маслица добавить для вкуса, авось и не заметит. Часу не пройдет, как он пуще всякой собачонки за тобой бегать примется.

Боярыня была неприятной. Вместо кафтана с ферязью она предпочитала одеваться в старое черное платье, доставшееся ей от прабабки, но в искусстве волхвования она была непревзойденной мастерицей. С ее помощью опоили царицу Наталью Кирилловну, когда та навелась в дом Лопухиных на Пасху. В настольном куличе был упрятан приворот на скорую свадьбу, а еще через месяц он облюбовала дочь стрелецкого головы Иллариона Аврамовича Лопухина в качестве невесты для царствующего сына.

С этого дня Марфа Михайловна Нарышкина находилась в доме Лопухиных на особом положении, потеснив прочих стариц. И даже мамки государыни посматривали на нее со страхом, опасаясь, что та может сжить их со света.

Царица всхлипнула:

– Да вот только как же я заманю его, окаянного, если он на меня совсем глядеть перестал! Говорят, что девка у него в Кокуе объявилась. Немка! Если бы я до нее добралась, так все волосья повыдергивала! – яростно сжала пальцы в кулаки царица.

– Повыдергаешь еще, Евдокия Федоровна, – смиренно пообещала боярыня. – Только выждать малость нужно... Так что с порошком-то делать? – с надеждой спросила боярыня, заискивающе заглядывая в лицо царицы.

Взяв рукоделье, царица накинула петельку, потом еще одну. Узор выходил ладным.

– Хорошо... Принеси своего порошку, – сдалась Евдокия. – А теперь иди, рукодельем займись.

Сморщенная, маленькая, в черном платье и длинном платке, который почти скрывал ее лицо, боярыня внушала суеверное чувство всякому, кто видел ее щуплую фигуру, шныряющую по дворцу. А рука невольно тянулась к голове, чтобы спешно осенить себя крестным знаменем.

– Чудо, а не зелье! – хвасталась старуха, шамкая беззубым ртом. – Кого угодно может отвадить, а кого угодно приворожить. – В ее глазах сверкнула какая-то бесовская искорка. Прожила она на белом свете немало лет, а оттого верилось, что в ее душе угнездились немало тайн. – Приглянись мне какой-нибудь молодец, так я бы и сама такое средство ему сыпанула. Хе-хе-хе!

– Чего ты болтаешь такое, старая! – воскликнула возмущенно Евдокия. – Тебе бы о душе подумать, а ты о том же... Ладно, ступайте, боярыни, будете нужны, позову!

Поднявшись, Марфа Михайловна еще более сторбилась, едва ли не касаясь челом пола. Вяло передвигая ногами, прошаркала до самого порога и, шагнув в сумрак коридора, будто бы сгинула.

Ближняя боярыня Анна Кирилловна встала с лавки без спешки, распрямив горделивую спину, и, отвесив царице большой поклон, широким шагом заторопилась из горницы.

Кроме двух десятков мамок, без которых царица не смела бы сделать и шагу, во дворце приютилось полсотни калек и юродивых, живших подношениями. Для государевой забавы в комнатах обитало еще три дюжины карликов и кормилиц. С наступлением сумерек они выползали из всех щелей и, нацепив ужасные хари, забавлялись, пугали обитателей дворца.

За дверью слышался какой-то неясный шорох. Наверное, окаянные готовились к ночным представлениям. Неделю назад любимый карлик государя Карлуша (названный так Пет-

ром в насмешку над шведским королем Карлом), обрядившись в бесноватого, едва ли не до смерти перепугал боярыню Плещееву. Неделю на потеху карлику старуху отпаивали настоем ромашки, и теперь Карлушу иначе как окаянным она более не называла.

Широко распахнув дверь, государыня шугнула расшалившихся юродивых:

– А ну пошли отсюда, бестии! Петра Алексеевича на вас нет, уж он бы вам задал жару! Чтобы я вас более не слышала!

Угроза подействовала. Юродивые мгновенно разбежались по коридорам.

Вернувшись в светлицу, Евдокия заперла дверь на щеколду и быстрым шагом направилась в угол комнаты. Помедлив малость, царица перекрестилась, после чего, набравшись решимости, откинула со стены парчу, под которой оказалась небольшая потайная чугунная дверь. Достала длинный ключ, вставила его в замочную скважину и потянула на себя дверь. Пламя свечей колыхнулось, заливая мерцающим светом темноту коридора, узкую винтовую лестницу, круто сбегаящую вниз. Всмотревшись в полумрак, царица распознала у самой стены знакомый силуэт и, придав голосу решимости, негромко произнесла:

– Проходи, Степан.

В комнату, сорвав с головы шапку, почтительно согнувшись, вошел молодой человек с ухоженной, короткостриженной бородой.

– Не побеспокоил, государыня? – озабоченно спросил гость, перебирая длинными гибкими пальцами горланную шапку.

– Я тебя ждала. Чего не постучал?

– Оно, конечно, так, – неловко произнес Степан, не смея взглянуть в лицо Евдокии. – А только голоса в светлице были слышны, вот я и затаился.

– Боярыни у меня были, рукоделием занимались. Как там Петр Алексеевич? – нетерпеливо спросила царица, приподняв красивое лицо.

Пересилил себя окольниковый, посмотрел на государыню. И тут же обмер от накатившего чувства. Перед ним была не прежняя пятнадцатилетняя девица, приткая, как егоза, с острыми занозистыми коленками, какую, ради баловства, он тискал в березовом лесу, а тридцатилетняя женщина, вошедшая в расцвет своей красоты: правильный овал лица, аккуратно очерченный закругленный подбородок с небольшой ямкой в самой середине, прямой тонкий нос, раздвигавший необыкновенно выразительные глаза.

Теперь в ее внешности не осталось ничего от той девчонки в длинном сарафане с толстой косой пшеничного цвета. Это была властная государыня Евдокия, не умеющая прощать нанесенных обид. В груди окольникового, пробив наслоения прожитых лет, вспыхнула искорка прежней приязни, да так и угасла под суровым взглядом царицы. Из прежнего дружка он превратился в преданного слугу, готового исполнить самый лихой наказ.

Светелка Евдокии Федоровны была небольшой – всего-то четыре узеньких оконца, больше напоминающих бойницы. Сквозь них робко пробивался сумрак. Бесстыдно заглянула в светлицу темно-желтым краешком луна и сгнула среди кучевых облаков. Стены и потолок обиты ярким шелком, цветастой парчой, на полу-толстые ковры. У окна две лавки с пуховыми подушками, у небольшого стола – три табурета, обитых парчой.

Окольниковый Степан Григорьевич Глебов являлся одним из немногих людей во всей державе, кто видел лицо царицы. А все потому, что в ребячью пору их дворы располагались по соседству и, не ведая греха, он мог побаловаться с соседкой на траве в самую Купалу. Кто же мог тогда предположить, что длинноногая Авдотья, дочь простоватого окольникового Иллариона Абросимовича Лопухина, взлетит лебедушкой! Да столь высоко, что и в глазки-то ее ясные смотреть теперь боязно...

Дождавшись, пока государыня сядет за стол, Степан Григорьевич аккуратно присел на краешек табурета. Следовало бы не пялиться на Евдокию столь откровенно и рассказать о

делах, опустив при этом горячий взор, но Степану не терпелось посмотреть на крохотную родинку на самом подбородке государыни. Не исчезла ли.

Глянул и тотчас уставил страстный взор в стол.

– Ныне Петру не до баловства, государыня, – негромко заговорил Глебов, понемногу справляясь с накатившими чувствами. – Крепость в Преображенском он отдал в приказы. Там дьяки заседают.

– Вот это новость! – подивилась Евдокия. – Выходит, дошли мои молитвы, домой возвращается!

– Не знаю, как тебе и сказать, государыня, – понуро протянул окольныйничий.

Взгляд окольногоничего воровато скользнул по фигуре царицы. На Евдокии Федоровне было пять платьев, напрочь скрывающие ее прелести. Одежда делала государыню полноватой, но Степан знал, что это не так, а его пальцы до сих пор помнили прикосновение каждого ее овала, словно продолжали хранить тепло богатого тела.

– Говори, как есть, – сурово потребовала Евдокия Федоровна, – не девка уже, как-нибудь переживу.

– Ну, коли так... За последние два месяца у государя было с десятков жен.

Государыня попыталась остаться равнодушной. Выдавали только ресницы, предательски дрогнувшие:

– Вот как. И кто же это такие?

Степан Григорьевич выдохнул:

– Все девки с Кокуя, государыня.

Мех горностая, оторочивший кафтан Евдокии Федоровны, слегка заискрился, выдавая ее глубокое дыхание.

– А русские бабы, значит, ему уже не подходят?

«Уж не шутит ли государыня?» – внимательно посмотрел Глебов на царицу.

– На русских девок он и не смотрит, государыня. Говорит, что немки послаще будут.

– У Петра и до меня немало девок было, – негромко заметила Евдокия Федоровна, – но только не соперницы они мне! – Подбородок горделиво приподнялся. – Одно дело девки шальные, а другое – государыня всея Руси! Как перебесится, так в семью вернется. Здесь у него наследник подрастает, царевич Алексей!

Окольныйничий постарался остаться невозмутимым: чем больше он узнавал женщин, тем сильнее склонялся к мысли, что между самой простой торговкой и государыней всея Руси не существует значительной разницы.

– А если не вернется, Евдокия Федоровна? А ежели у него там дите народится? – предположил окольныйничий. – Тогда ведь по-разному может повернуться.

– Хоть и народится, что с того? – дернула плечиком государыня. – Мы в церкви обвенчаны, перед богом стояли, а все остальное блудом будет.

Спорить с Евдокией было трудно.

– Оно так, конечно, государыня.

На двор легла ночь. Свечи теперь полыхали ярче, делая облик государыни более выразительным. Где-то за окном лениво брехали собаки да перекрикивались между собой стража.

– Чем же таким иноземные бабы лучше наших девок будут, вот скажи мне, Степан? – умело скрывая отчаяние, спросила Евдокия Федоровна. – Чего же это Петра все туда тянет?

– Кхм... – неловко откашлялся Степан Глебов, – прямо даже не знаю, как тебе и сказать, государыня.

– Как есть говори, уж не с дитем малым беседуешь, – напомнила государыня.

– Я так думаю, Евдокия Федоровна, девки немецкие доступнее наших баб будут. Во время разговора лицо не прячут, говорят смело, а мужикам это нравится.

– Вот оно как.

– А потом наши бабы ухаживать за собой неспособны. Рожу-то белилами да сажей мажут. А ими любую красоту можно испортить. С такой один раз поцелуешься, а потом полдня пыль сплевываешь. А немки все беленькие да чистенькие, на себя благовония разные прыскают. Вдохнешь такого аромата, так потом долго голова кругом идет. И приятность во всем теле делается.

– Не ласков ты к нашим девкам, – укорила государыня, покачав головой.

– А как же быть с ними ласковым, если белила на щеках в палец толщиной! Да за ними кожу разглядеть нельзя.

В лице государыни просматривался неподдельный интерес.

– А ты, видать, знаток по бабам-то. Прежде за тобой такого не наблюдалось.

Глебов обиделся:

– Государыня, ты спрашиваешь, а я отвечаю.

– Ты на меня зла не держи. Худого я тебе не желаю. Что еще можешь сказать?

– Кхм... У нашей девки фигуру не разобрать. Не поймешь, не то ладная, не то кривая где. Как напялит на себя с пяток платьев, так больше на куль с ногами смахивает. По улице шествует, так непонятно, где у нее перед, а где зад.

Евдокия рассмеялась, показав ровные, отбеленные порошком зубы. Глебов сдержанно улыбнулся, подумав о своем. На батюшкиной соломе Евдокия заливалась точно таким же бесшабашным смехом, когда он беззастенчиво лез под ее платье жадной ручонкой.

– Кажется, тебе это не особенно мешало, – сдержанно заметила Евдокия Федоровна.

Дыхание у Глебова перехватило.

– А ты помнишь, государыня? – спросил Степан мгновенно осипшим голосом.

На какую-то секунду их взоры пересеклись, высекая яркую искру. Что-то в глазах Евдокии Федоровны неожиданно переменилось, от чего, пусть на мгновение, но она сделалась другой. Следовало бы повиниться за своеволие, опустить покаянно взгляд, но не сумел Степан и продолжал любоваться государыней, понимая, что балует с пожарищем. Вот кликнет сейчас стражу Евдокия Федоровна, и отведут охальника к судье Преображенского приказа князю Ромодановскому.

Крохотная родинка на подбородке продолжала бесстыдно притягивать взор, напрочь парализовав волю. Ему ведь многого не нужно. Поддай только государыня знак, а уж после того он делается верным ее рабом до самой своей кончины.

– Помню, окольниковый, – сухо отвечала Евдокия Федоровна, отгородившись от холопа стеной спеси.

Обомлел от увиденного Глебов, уперев бесстыдный взгляд в пол. Вот он, царицын локоток, до него только вершок, потянулся пальчиками и скомкал в жменю царственную плоть. А только радости от такого охальства никакой.

– Только давно все это было, Степан Григорьевич. Я тогда голоштанной девкой бегала. Так чем же еще немки краше русских баб? – застыло в глазах царицы удивление.

– Немки платья другие носят, так что бабья сущность всегда видна, – сдержанно отвечал Глебов. – А для мужского взгляда это приятно.

Государыня посмурнела, затихнув. А когда подняла затуманенный взор, произнесла:

– Теперь я понимаю, почему Петруша в Кокуй повадился. Но не ходить же мне с титьками наружу!

– Наши бабы в смирении, государыня, воспитаны, – легко согласился Степан. – А у тех платья такие, как будто бы только о блюде и думают.

– Откуда эта девка, что государя приворожила?

– Ты и об этом хочешь знать?

– Мне все интересно, что с Петром связано.

– Ну коли так... – сдаваясь, протянул Глебов. – Немка она, зовут ее Анна Монс. Батка ее вином в Кокуе торгует.

– Чем же она так хороша?

– В Немецкой слободе она первой красавицей слывет. Поначалу с Лефортом сошлась, а вот теперь к Петру Алексеевичу прибилась.

– И не жалко Лефорту своей полюбовницы? – неожиданно поинтересовалась Евдокия.

– Ему от этого честь великая, – уверенно отвечал окольный. – Получается, что как бы с самим государем породнился.

– Кто об этом знает?

– Да многие, государыня, – признал Глебов, – только вид делают, что не ведают. Боятся! Тут один купец Монсиху блудливой девкой обозвал, так его потом на площади прилюдно выпороли. А тот переулочек, где эта Монсиха проживает, в народе Девкиным прозвали. Еще государь подарками ее дорогими одаривает, тут сказывали, что он ей свой портрет подарил, алмазами украшенный, а еще пансион ей выплачивает и мамаше ее.

Слегка пухловатые губы царицы тронула ухмылка:

– Вот чем мой Петруша занимается.

– Государыня, ты только скажи, так я эту Монсиху навек образумлю. – Подавшись вперед, окольный заговорил горячо: – Знаю я, где она с Петром Алексеевичем время проводит. Чаще всего у своей подруги, такой же беспутной девки, как сама. А потом до дома без сопровождения топают. Дорога через озеро проходит, а местность там глуховатая, берега камышом поросли. Полюбовницу государя можно там подстеречь, так что никто ничего и не узнает.

Глаза царицы торжествующе блеснули, выдавая внутреннее волнение. А может, это всего лишь колыхнулись на сквозняке свечи?

– Не надо, – произнесла она после некоторого раздумья. – Не хочу брать греха на душу. Помолюсь в домово́й церкви, а там как-нибудь оно само уляжется. А ты, Степан, ступай. Мне одной побыть надо.

Подняв с лавки шапку, окольный произнес, скрывая выпирающую обиду:

– Как скажешь, государыня.

– Постой.

Степан повернулся. В глазах надежда. Неужели дождался?

– Не держи на меня зла, Степан Григорьевич.

– Да за что же, Евдокия Федоровна? Ты государыня, а я всего лишь холоп твой.

– Ты вот что, приходи ко мне завтра, когда девки лягут. Одиноко мне. При муже живу, а ласки не ведаю. А так хоть словом с тобой перемолвлюсь, глядишь, и полегчает на душе.

– Приду, государыня.

Надвинув шапку на глаза, окольный спрятал ликование. Он поклонился и прошмыгнул в незапертую дверь.

* * *

Анна Монс по праву считалась одной из красивейших девиц Немецкой слободы. Длинноногая, статная, с крепкой высокой грудью, она невольно притягивала к себе мужские взгляды. Ее личико, всегда светящееся улыбкой, больше напоминало кукольное: широко распахнутые бледно-голубые глаза как будто бы излучали сияние и светились вниманием к собеседнику, пышные золотистые волосы, собранные в высокую прическу, кокетливыми прядями выбивались из-под головного убора на висок и затылок.

Первым, кто попал под действие чар юной прелестницы, был фабрикант Фокс, владелец кирпичного завода. За радость обладать шестнадцатилетней красавицей он ссудил ее отцу,

отставному капралу, деньги на открытие лавки, и тот вскоре уже всю торговал сдобными кренделями в Москве.

Отставной капрал Генрих Монс быстро понял, что его красавицы дочери – самый настоящий капитал. И не стеснялся говорить барышням о том, чтобы они оказывали знаки внимания щедрым покупателям. Затем Анна перешла в пользование к заезжему купцу, который щедро отсыпал серебро в побитую шрапнелью ладонь старого капрала.

Об удачливом торговце заговорила вся Москва, нахваливая его кренделя с начинкой. Торговые дела у старого Франца Монса развивались, и скоро он открыл винную торговую лавку.

Позже у Анны были еще три связи, позволившие еще более укрепить благополучие старого хитреца. Бывший капрал построил себе каменный дом в три клетки, огородив территорию забором длиной в полверсты, а своим достатком превзошел многих бояр и без конца восхвалял случай, который вынудил его уехать из родной Вены.

По настоящему значимым старей Генрих ощутил себя тогда, когда к нему в гости вдруг неожиданно стал заходить молодой царь Петр. Выпивая крепко заваренный чай и поедая сдобные булочки, тот поглядывал на красавицу-дочь, не смеявшую от смущения поднять на государя взгляд. Едва Петр уходил, как старик с упреками набрасывался на дочь, требуя от нее быть с русским господином пообходительнее.

Старый Монс уже лелеял мечты расширить свое хозяйство: пооткрывать лавки в Архангельске и, заручившись поддержкой Петра, организовать беспощинный ввоз табака в Москву, который пользовался среди иноземцев необыкновенным спросом.

О том, что его наставления не прошли для дочери бесследно, Генрих Монс понял очень скоро. Однажды, задержавшись в лавке, он, стараясь не разбудить любимицу, неслышно направился в ее покои. Вдруг его старое сердце обдало холодом, – из комнаты любимой младшей дочурки раздавались сдавленные крики. Не разобравшись, старей капрал подумал о том, что в комнату ворвались грабители и принялись душить его любимицу. Подхватив кочергу, он вбежал в горницу дочери, где застал государя Петра, пристроившегося к его дочурке.

Конфуз был позабыт после двух больших штофов водки, выпитых на пару с государем. Но в следующий раз Петр, уже не стесняясь своих чувств, едва ли не принародно мял сдобное девичье тело.

Тогда старому Монсу показалось, что он держит удачу за бороду.

При королевских дворах любовницы государей считались весьма влиятельными особами, от воли которых зачастую зависела даже судьба державы. Фаворитки влияли на решение короля, имели своих сторонников среди придворных, но, что самое главное, – всегда были необыкновенно богаты. Кроме бриллиантов, которыми одаривал их венценосный покровитель, они получали замки и земли. Очень часто их личные угодья даже превышали владения наследственных принцев.

Отцы любовниц приобретали при дворе короля доходные места и были не менее влиятельны, чем их дочери. Генрих Монс смел надеяться на подобное отношение со стороны Петра. Однако дело оказалось не столь легким, как ему представлялось вначале. Русский царь был неизмеримо скуп. Не стоило рассчитывать не только на какое-нибудь имение с крепостными крестьянами, но даже на солидное денежное вознаграждение. Самое большее, что доставалось старому капралу, так это полтина, которую Петр оставлял на столе после каждого совокупления с Анной. При этом аппетит царя не становился от этого менее скромным, – за один присест он съедал пяток маковых булок с ветчиной, чем наносил семейной коммерции значительный урон. К Анне царь стал относиться настолько просто, что без обиняков заявлял приятелям, таким же похотливым господам, как и он сам, что отправляется на небольшой «лямур» к Анне.

Старому Монсу приходилось терпеть. И пока царь утолял похоть, расшатывая фамильную мебель, которая, казалось, была сколочена на века, терпеливо сносил упреки сварливой жены в своей небольшой каморке.

Старый капрал высказал неудовольствие Петру только однажды, когда была поломана кровать, привезенная из самой Вены. По семейному преданию, на ней был зачат прадед самого Генриха Монса. Но кто бы мог подумать, что она рассыпется на дощечки от любовных упражнений русского царя!

Петр Алексеевич терпеливо выслушал упрек, нервно дернул шеей, после чего огрел старого капрала тяжелой дубиной, с которой никогда не расставался.

К следующему приходу Петра Монс велел кренделей с маком царю не подавать: пускай довольствуется несвежими булочками. Но подобные изменения в пищевом рационе для русского государя прошли совершенно незамеченными. Съев зараз целую дюжину булок, рыгнув дважды от сытости, он взял красавицу Анну за локоток и повел на вновь сколоченную кровать, к большому неудовольствию старого Монса. А когда Генрих заикнулся было о том, что неплохо бы позволить ему беспощинную торговлю с Англией, Петр удивленно взглянул на него, затем достал из кармана монету и, сунув ее в руку отставного капрала, ушел хохоча.

И еще долго на улице был слышен громopodobный смех русского самодержца.

Царь Петр любил веселиться, умел заряжать своим жизнелюбием и других, но на сей раз старому Монсу было отчего-то не до смеха. Он понимал, что королевским благородством здесь не попахивает и вряд ли ему когда дождаться выгодного чина при русском дворе. Самое благоразумное в его положении, чтобы окончательно не стать посмешищем всего Кокуя, так это представлять всему окружению русского царя как предполагаемого зятя.

* * *

Государь всегда появлялся неожиданно. Уже с порога кричал, что желает кислых щей и, наскоро отобедав, столь же стремительно исчезал. Но чаще он не появлялся вовсе, обедая где-то у многочисленных приятелей и собутыльников. Но в этот раз царь отправил во дворец вестового, который и сообщил, что Петр Алексеевич изволит быть после полудня, повелел приготовить ему щей, гречневую кашу с молоком и своих любимых оладий с малиновым вареньем.

К встрече с супругом Евдокия Федоровна подготовилась основательно. Накануне заявила к Марфе Михайловне за порошком и, стоя в сторонке, терпеливо дожидалась, пока та совершает заговор над расправленной цветастой тряпицей, на которой небольшой горкой вышлась пепельного цвета рассыпчатое вещество. И только когда заклинание было совершено, она торжественно передала его царице, посоветовав сыпать поболее и заметив напоследок:

– Вот тогда, Евдокия Федоровна, он от тебя никуда не денется.

Чтобы снадобье подействовало сильнее, государыня замесила его в настоящее тесто, гречневую кашу, а чтобы уж наверняка, еще и в малиновое варенье.

Оставалось только дождаться появления государя.

Петр не заставил себя долго ждать. Появился во дворце нарождающимся ураганом: снес рукавом на пол фарфоровую чашку, зацепил носком сапога стоявший в сенях табурет и, едва взглянув на супружницу, застывшую в поклоне, плюхнулся за стол к расставленным тарелкам.

– Ложку почему не положил? – прикрикнул Петр Алексеевич на стольника аршинного роста, топтавшегося подле. – Или ты думаешь, я пальцами щи буду черпать!

– Так не успел еще, только расставляю, – виновато отозвался стольник.

– Мигом за ложкой! Вот ротозеи, стоит только не появиться, так все царствие разваливается! Ложку государю не подают.

Стольник возвратился с ложкой наперевес. Аккуратно положив ее по правую сторону от государя, спрятался от греха подальше за его спину.

Евдокия Федоровна села рядышком. Терпеливо дождалась, пока другой стольник, крепенький краснолицый отрок, нальет шей, и только после этого, взяв ложку, приступила к разговору:

– Не по старине ты живешь, Петя. Все пропадаешь неведомо где, а ведь дома у тебя супруга твоя законная, сынок наш Алешенька, – терпеливо заговорила государыня, с удовольствием наблюдая за тем, как поглощается Петром насыпанный в щи заговоренный порошок. – То нептуновыми забавами балуешься, а то марсовыми. Разве так наши отцы жили?

Поморщившись, Петр отложил ложку в сторону, щи показались ему на редкость кислыми. Иное дело в Кокуе, там даже постные клецки повкуснее куриного мяса будут.

– Евдокия, я же тебе просил помолчать. Кусок хлеба в горле застревает!

– Вот ты даже поесть и то как следует не можешь, все на бегу, все куда-то торопишься. А ты забыл, как отцы наши ели? – продолжала наставлять царица. – Всех бояр собирали, за одним столом вкушали. Речи неторопливые вели, за здоровье пили, а им стольники прислуживали. А ты все наспех! Может так в Кокуе заведено, а только у нас во дворце все по-другому.

Петр в раздражении отодвинул от себя тарелку со щами. Расплескавшись, они залили белоснежную скатерть.

– Пойду я! – встал Петр. – Дела ждут.

– Петя, останься. Ты же даже не доел! – заволновалась царица.

– А как тут есть, если ты мне все в ухо чего-то зудишь!

– Кто же тебе скажет, как не твоя жена?

– Жена, говоришь, – зло прошипел Петр Алексеевич, – а только я себе жену не выбирал.

Лицо государыни болезненно дернулось, сделавшись некрасивым. Прошло какое-то время, прежде чем Евдокия Федоровна овладела с собой окончательно.

– Кто же тебе тогда жену выбирал, как не ты сам?

– Матушка мне невесту выбирала, – даже не пытаясь скрыть тоску, отвечал Петр Алексеевич. – Даже меня не спросила... А знаешь для чего?

– Для чего же? – проглотила подступивший ком государыня.

– Для давних связей Нарышкиных с Лопухиными. Матушка рассуждала, что Лопухины мне помощниками во всех делах станут, а в действительности они только обуза! Родни-то много, а вот опереться не на кого. Что ни делаю, так все им не по нраву. С кем мне тогда советоваться?

– Петр, – потянулась Евдокия Федоровна к государю.

Петр отмахнулся:

– Уйди, Евдокия, не до тебя мне нынче!

– К кому же ты так торопишься, семью бросив? Уж не к девке ли своей? – подбоченилась царица.

– Что ты сказала? – судорожно дернулась щека Петра. – Что еще за девка!

– Да об этом вся Москва судачит, Монсихой ее кличут! Все вечерами у нее пропадаешь да подарочками разными балуешь!

Побелевшее лицо царя застыло, напоминая маску. В какой-то момент Евдокии Федоровне показалось, что на государя накатит гнев, но уже в следующую секунду щеки размякли. Разлепив плотно сжатые губы, он произнес срывающимся голосом:

– Не твое дело, Евдокия, тебя не спросил! К кому хочу, к тому и хожу.

– Что же у нее такого особенного, чего у меня нет? Может, расскажешь?

– Дура ты, Евдокия, с тобой поговорить даже не о чем. А может, тебе в монастырь уйти?

– Чтобы ты со своей немкой сошелся? Не дожدهшься!

– Вот что я тебе скажу, Евдокия, немоготу мне с тобой жить. Кончилось мое терпение!
Все равно в монастырь отправлю!

– С кем же ты сына оставишь, если меня в монастырь?

– Мамки за ним посмотрят!

– Кто же тебе разрешит меня в монастыре держать? Может патриарх? – ядовито хмыкнула царица. – Не даст он тебе разрешения. Грех надо иметь. А я тебе верна, и другого у меня не было! Ты муж мне, а я жена тебе.

Хлопнув дверью, Петр вышел за порог.

Глава 3

ТАЙНАЯ МИССИЯ

Получив от Василия Голицына письмо, военный министр задумался. Он не имел права на ошибку. Король не исключал военной кампании против русских, а потому ставки оказались очень высоки. Следовало учитывать, что прежде таких писем не приходило, а, следовательно, эта могла быть какая-то хитроумная комбинация, в которой предстояло разобраться самым тщательным образом, но могло случиться и иное – Голицын действительно рассчитывал на его помощь.

Впервые князя Голицына граф Йонссон Грип повстречал в Риге в составе дипломатического корпуса. Образованный, изысканно одетый, владеющий языками, он производил весьма благоприятное впечатление. Наблюдая за его отточенными, безукоризненными манерами, с трудом верилось, что такой экземпляр человеческой породы мог произрасти на дремучей русской земле.

Вторая встреча с Василием Голицыным случилась в Москве, куда граф прибыл во главе шведского посольства. Информаторы военного министра отмечали, что как фаворит царевны Софьи князь пользовался ее неограниченным доверием, являясь фактическим хозяином России.

После званого ужина, на котором присутствовало полсотни бояр, Голицын пригласил его к себе в дом, и граф Йонссон, избалованный европейскими изысками, был несказанно поражен изяществом княжеского дома, выполненного в стиле Ренессанса. Но более всего его удивила обстановка комнат, которая по богатству значительно превосходила все европейские дома, в которых ему когда-либо приходилось бывать прежде. Такому убранству дворца могли позавидовать даже принцы. Продумана была каждая мелочь, чувствовалось, что у хозяина дома отменный вкус и большие деньги, если он сумел привлечь для постройки лучших архитекторов Европы.

И вот этот влиятельнейший человек вдруг неожиданно обратился к нему за помощью. Было в этом нечто противоестественное и поневоле заставляло насторожиться. Это внешне князь Голицын выглядел как обыкновенный европеец, носил даже немецкий камзол вместо русского кафтана, но в действительности оставался все тем же славянским варваром, непредсказуемым и крайне опасным.

Йонссон Грип еще раз перечитал письмо. Князь Голицын просил отправить в Москву графиню Корф с заданием очаровать молодого Петра и завладеть его сердцем настолько, чтобы тот, не задумываясь, отправился за ней в Европу.

Выбор князя Голицына был предельно точен. Кроме потрясающей внешности, графиня Корф обладала незаурядным умом и массой всевозможных талантов. Ей даже не придется проявлять каких-то особенных усилий, чтобы влюбить в себя юного царя.

Только зачем это нужно Голицыну?

Поразмыслив, Граф Йонссон пришел к выводу, что во время отсутствия Петра в Москве должен произойти переворот, в результате которого русский царь будет отстранен от власти и превратится в обыкновенного изгнанника, а на его месте окажется Софья.

Оставалось решить только один вопрос: нужны ли такие перемены Швеции?

Через час у графа Йонссона была назначена встреча с королем.

* * *

Карл XII, как и его покойный отец, был страстным охотником. Молодому королю претило загонять оленей в отведенных для этого угодьях, где практически непуганные животные совершенно не опасались огнестрельного оружия. Он предпочитал посещать отдаленные места.

С некоторых пор королю понравилось охотиться близ русских границ. А вскоре, по странному стечению обстоятельств, по труднопроходимым охотничьим тропам стали протягивать дороги, через гати перебрасывать мосты, осушать болота. Об этом никто не говорил вслух, но приготовления молодого короля напоминали подготовку к большой войне.

На сей раз Карл XII вернулся из Нотебурга.

С неделю король провел на острове в крепости, ежедневно совершая утренние прогулки на ботике, а на восьмой день велел организовать охоту на медведя, задравшего накануне офицера.

Медведь был застрелен только на третьи сутки изнурительного преследования, в котором участвовали даже крестьяне близлежащих деревень. Сняв со зверя шкуру, король велел нацепить ее на кол наподобие полкового полотнища и не снимать до самого Стокгольма. В скором времени охотничий трофей должен был пополнить одну из комнат королевского замка.

Всю обратную дорогу Карл XII практически не слезал с лошади, совершая кратковременные остановки только для того, чтобы напоить коней. А утром, оказавшись в замке, король наскоро перекусил и он пожелал увидеть военного министра, графа Йонссона.

Карл XII принял графа в своем кабинете. На большом столе лежала детальная карта шведского королевства, на которой были помечены основные охотничьи маршруты, удивительным образом направленные в сторону России. Сидя в кресле, Карл делал какие-то пометки на карте.

Граф Йонссон предполагал, что увидит монарха, измученного долгой охотой и, изнурительной дорогой. Но с удивлением узрел молодое крепкое лицо без каких бы то ни было признаков усталости.

– У вас есть какие-нибудь новости для меня, граф? – весело поинтересовался Карл, на мгновение обратив свой взор на военного министра и опять уткнувшись в карту.

На сей раз его заинтересовала гать, подступившая к самому Великому Новгороду. С северной стороны город считался совершенно неприступным, но, судя по тем уверенным росчеркам, которые король оставлял на карте, он придерживался совершенно иного мнения.

– Имеются новости, ваше величество, – уверенно отвечал граф, – два дня назад я получил письмо от князя Голицына.

Карандаш, готовый уже было прочертить еще одну стремительную линию, неожиданно застыл, а потом неловко царапнул бумажную поверхность.

– Это какой Голицын? Фаворит русской царевны?

– Он самый, ваше величество.

– И что же он желает?

– Просит меня отыскать женщину, которая могла бы всерьез увлечь русского царя, ради которой он был бы готов покинуть Москву, а возможно, даже уехать за границу.

На юношеском лице короля отобразилось недоумение:

– Зачем ему это нужно?

– Софья никак не может смириться с тем, что отстранена от власти. Вот они и придумали такой хитроумный ход, чтобы навсегда избавиться от Петра.

– Понимаю, – голова Карла слегка качнулась, – они хотят сделать из русского царя политического изгнанника.

– Да, ваше величество.

– Что-то подобное должно было случиться, – задумчиво проговорил Карл. – Насколько мне известно, Петр вряд ли захочет терпеть близ себя всемогущую сестру. Как только он отбудет из России, так за ним сразу же закроются границы и обратного пути не останется! А своего ребенка, прижитого от князя Голицына, Софья объявит наследником.

– Именно так, ваше величество!

– Но мне непонятно одно. Почему князь Голицын обратился именно к вам?

Граф продолжал стоять, слегка наклонив седую голову. Помнится, батюшка короля был более обходителен к своим слугам и не держал их подолгу в дверях.

– Видно потому, что я с ним очень хорошо знаком.

– Вот как? Вы мне не говорили об этом.

– Я познакомился с ним четыре года назад, когда был с посольской миссией в России. Мне приходилось бывать даже у него дома. Князь Голицын оставил весьма благоприятное впечатление, это человек европейской культуры. Могу даже сказать, что у меня с князем сложились приятельские отношения. Если вместо Петра придет такой человек, как он, то я считаю, что это будет благом для Шведского королевства.

Карл задумался. Небрежно бросив гусиное перо на карту, спросил:

– Но почему именно женщина? Неужели Петра нельзя устранить как-то по-другому?

Взгляд графа Йонссона невольно переместился на упавшее перо. Заточенный кончик процертил небольшую черную линию, направленную в сторону Москвы.

– Это самый благоразумный и самый безопасный способ для русской царевны. В противном случае ее могут заподозрить в убийстве брата. Софья рассчитала все предельно точно. Русский царь предпочитает именно иностранок, считая их наиболее чувственными. Он человек влюбчивый и может попасть под их влияние.

– А я слышал, что он ужасно капризен. Неужели у нас имеется такая женщина, которая могла бы всерьез увлечь русского царя?

Вопрос прозвучал громче обычного, выдавая юношеский темперамент короля.

Голова графа учтиво наклонилась:

– Такая женщина есть, ваше величество.

– Вот как! И кто же?

– Это графиня Луиза Корф.

По лицу юного короля пробежала едва заметная тень. Должны пройти годы, прежде чем Карл XII научится всецело владеть собой.

* * *

Графиня Корф была одной из тех редких женщин, которых мужчины, однажды повстречав на жизненном пути, не забывают уже никогда. Самое удивительное заключалось в том, что любой из них оставался преисполнен к ней необыкновенной благодарности, даже если ему нанесли кровоточащую душевную рану.

Первой женщиной Карла была графиня Корф. Придворные мужи любезно подсунули ее взрослому королю. Предполагалось, что графиня научит его науке любви и сделает из него настоящего рыцаря, а заодно отведит от государственных дел. Но в действительности власть в королевстве на целый год оказалась в руках опытной и умной женщины. Луиза стала самой влиятельной фигурой в королевстве, а сам Карл превратился в забавную игрушку для ее потех.

Графиня Корф сумела завладеть королем, и отныне без совета с ней он не принимал ни одного государственного решения. Юный Карл полагал, что в образе графини Луизы Корф к нему с небес явился сам ангел, но только немногие могли догадаться, что в действительности перед королем предстал сатана в женском облики.

Наделенная острым умом, Луиза практически не имела слабостей, вот разве что могла до беспамятства забыться в руках красивого молодого офицера. Когда влияние графини Корф усилилось настолько, что даже члены королевской семьи стали приравняться к простым придворным, юному Карлу решили преподнести житейский урок. В один из вечеров, когда он дожидался свою избранницу, его подвели к запертой изнутри комнате и попросили заглянуть в замочную скважину, где можно было наблюдать страстную сцену совокупления начальника дворцовой стражи с молодой женщиной.

В этой женщине юный Карл узнал свою возлюбленную.

Графиня Корф была изгнана из дворца уже через час, а бравый офицер, посмеявшийся посягнуть на собственность короля, отправлен в дальний гарнизон.

Свою первую привязанность Карл не мог позабыть весь следующий год пока, наконец, вельможи не подсунули ему дочь маркиза Уитмена, столь же обворожительную, как графиня Корф, даже чем-то на нее похожую внешне, правда, обладавшую вполне заурядным умом.

Испытав немилость короля, графиня Корф долго не могла оправиться от удара судьбы и даже спиной ощущала ехидные усмешки придворных. На какое-то время родная Швеция стала для нее чужой, и ей более ничего не оставалось, как уехать в Берлин, в город, который всегда умел ценить женскую красоту.

То, что ей помешало в Швеции, неожиданным образом принесло успех в Берлине. Рассказы о ее победах над мужчинами уже давно гуляли по аристократическим дворам, так что в каждом из них она была желанным гостем. Вскоре она сошлась с молодым бароном, который, не колеблясь, бросил к ее ногам фамильное имение. Уже через год она проглотила его целиком, даже не поперхнувшись, а бедного барона отправили на каторгу за растрату полковой кассы.

Пользуясь доверчивостью юных любовников, за два года пребывания в Берлине Луиза сумела сколотить немалое состояние. Так что в Стокгольм графиня Корф возвращалась победительницей, а худая молва злословила о том, что, кроме сокровищ, которые она привезла в шведскую столицу, в ее кованом сундуке находилось еще десятка два разбитых мужских сердец.

Все слухи были недалеко от правды. Едва ли не каждый мужчина, пытавшийся связать с ней свою судьбу, был обречен на разорение, а то и на казemat. Ее много раз продавали и столь же неоднократно покупали, мужчины видели в ней всего лишь предмет для своих удовольствий, но всякий раз после такой сделки она выходила еще более богатой и еще более влиятельной.

В последние годы все поменялась. Теперь покупала она. Правда, на этот раз можно сделать исключение... Для короля! Но цена должна быть очень высока.

* * *

Граф Йонссон терпеливо молчал, ожидая ответа Карла.

– Графиня все так же хороша? – неожиданно спросил король.

Военный министр без труда услышал нотки грусти. Так спрашивать мог только мужчина, вспомнивший свою бывшую возлюбленную.

Йонссон отрицательно покачал головой:

– О нет, ваше величество! Она стала еще краше. Три дня назад устроила обед в своем замке, куда пригласила всю знать города. – Едва улыбнувшись, добавил: – Половина гостей составляли ее бывшие любовники, но, кажется, до дуэлей дело не дошло. Графиня вышла к гостям в платье греческой богини и в который раз сумела околдовать самых ярких своих недоброжелателей.

По лицу короля теплой волной разлилось благодушие, в светло-голубых глазах затеплилось нечто, похожее на грусть. В чем-то Карлу даже повезло: такая женщина, как графиня Корф, могла прибрать к рукам даже королевство. Так что они обошлись самым малым...

– Хорошо, пусть будет она, – согласился Карл. – Но меня очень интересует, что за человек этот князь Голицын.

Военному министру полагается знать все.

– У меня есть полное досье на него, ваше величество.

– Даже вот как! – слегка удивился Карл.

– Он потомок великих литовских князей. Из ветви Ягелло, который стал основателем польской королевской династии Ягеллонов.

– Значит, сей князь Голицын из знатной семьи?

– Да, ваше величество. В Московии Гедиминовичи по знатности уступают лишь Рюриковичам. А если считать, что последний Рюрикович погиб сто лет назад в малолетнем возрасте, то можно утверждать, что князь Голицын будет познатнее, чем сам царь.

– Хм... У этих русских всегда все необычно.

– Князь Голицын получил европейское образование, в пятнадцать лет вступил чашником на придворную службу, а еще через пятнадцать лет достиг боярского звания.

– Ему можно доверять?

– Можно, ваше величество. В какой-то степени он наш союзник.

Карл поднялся из-за стола и, заложив за спину руки, прошелся по кабинету. Государственные решения рождались в муках. Карта свернулась свитком, сбросив на ковер гусиное перо.

– А если мы не примем его предложения и сообщим обо всем царю Петру? Мы потеряем союзника?

– Скорее всего, мы просто потеряем доверие князя Голицына. А царь Петр и дальше к нам будет относиться с настороженностью...

– Хорошо, сделайте все, о чем просит князь Голицын.

– Слушаюсь, ваше величество, – военный министр даже не попытался скрыть вздох облегчения.

– Вы хотите что-то добавить?

– В последнее время царь Петр всерьез увлекся морскими сражениями и построил в России целый флот.

Карл XII сдержанно улыбнулся, напомнив шаловливого мальчишку. «Только в такие минуты начинаешь понимать, – подумал Йонссон, – что он очень молод». Однако это обстоятельство не помешало ему создать самую боеспособную армию на континенте, и теперь к любому чиху шведского короля прислушивались все европейские дворы.

– Хочу заметить, мой дорогой граф, что морские сражения могут быть только на море. А то, что делает русский царь, напоминает бултыханье в луже. В ней невозможно промочить даже ноги, а вы говорите о сражении!

– У нас имеются данные, что он хочет создать флот и в Архангельске, – посмел возразить военный министр.

– Дорогой мой граф! Русские поморы – хорошие рыбаки, но они никогда не будут военными моряками. В каждом из нас течет кровь викингов, сумевших завоевать на своих судах половину мира, а какие традиции у русских? Никаких, граф!

Улыбка короля приняла язвительное выражение.

– Ваше величество, царя Петра нельзя недооценивать, он умен и очень быстро учится, а кроме того, вынашивает самые честолюбивые планы. Уверяю вас, ваше величество, через год-другой о нем заговорит вся Европа.

– Вряд ли Европа будет говорить о его военных победах.

– Ваше величество, у меня к вам будет еще одна просьба.

Карл XII улыбнулся:

– Надеюсь, что она не связана с деньгами.

Рассмеялись оба, шутка показалась удачной. Своим богатством военный министр мог потягаться с самим королем.

– Конечно же нет, ваше величество. Просто графиня Корф – весьма непростая особа. Она очень умна и осторожна. И мне будет легче вести с ней беседу, если я сошлюсь на вас.

Карл задумался. Ссылка на слово короля всегда стоит больших денег. Впрочем, это тот самый случай, когда стоит согласиться.

– Хорошо, – кивнул король, – можете говорить с ней от моего имени. Графиня сейчас в Стокгольме?

– Да, ваше величество.

– Мне бы хотелось ее увидеть, – задумчиво протянул король. – Впрочем, забудьте... Ступайте!

* * *

Графиня Корф проживала в средневековой замке всего лишь в полчаса езды от Стокгольма. Спрятанный между двумя холмами, заросший многовековыми пихтами, замок обнаружился внезапно. Сначала появлялась островерхая крыша, покрытая черепицей, потом выглядывали башни с узкими бойницами по периметру, а уже затем показывалась стена, выложенная гранитными валунами.

Замок достался графине от прежнего кавалера маркиза Вуальке, который вместе с сердцем преподнес ей родовую замок. Столь невиданная щедрость не была вознаграждена по достоинству: единственное, чего добился маркиз, так это подержал за руку предмет своего обожания в королевском саду. И сердце маркиза, пронзенное стрелой амура, сейчас находилось где-то в стеклянном сосуде со спиртом в одном из залов замка.

Маркиз был одним из главных трофеев графини, и граф был уверен, что она не без гордости показывает его сердце своим друзьям.

Едва ли не впервые в жизни граф ехал просителем, и не к кому-нибудь, а к женщине. Пикантность ситуации заключалась еще и в том, что каких-то лет пять назад он продавал графиню каждому заезжему вельможе за горсть монет, сейчас же сам хотел заполучить ее расположение.

Впрочем, тогда она не была графиней...

Карету графа заметили. Из центральной башни прозвучал трубный глас, и через глубокий заболоченный ров перекинулся подвесной мост. Возница попридержал разгоряченного коня, и тот, задрав высоко красивую холеную голову, степенно зашагал по шатающемуся мосту коваными копытами, пробуя его на прочность.

Въехав в замок, граф Йонссон не без удивления отметил, что все здания поддерживались в идеальном состоянии, а небольшой округлый дворик был выложен темно-серым гранитом.

Дворецкий, высокий старик с седой бородой и в атласном, расшитом золотыми нитями камзоле, степенно подошел к остановившейся карете. Никакого заискивания перед знатным вельможей. Поклонился сдержанно и с большим достоинством, как если бы служил не куртизанке, а королевской особе.

Граф, попридержав рукой мантию, сошел на мощеный двор.

– Как доложить о вас графине? – сухо поинтересовался старик.

Правый уголок рта военного министра дрогнул в презрительной усмешке. Как быстро забывается прошлое! Теперь уже никто не помнит о том, что недавно графиня Корф была обыкновенной содержанкой, а графский титул получила только после того, как ее удочерил

семидесятипятилетний граф. Надо полагать, сделал он это небескорыстно. Еще через год граф благополучно скончался, а его небогатое наследство скоро растащили многочисленные родственники. Приживалке в наследство достался титул, который открывал ей дорогу в королевский дворец, чем она незамедлительно впоследствии и воспользовалась.

Мир очень скверно устроен, если графский титул может купить обыкновенная куртизанка.

Натолкнувшись на жестковатый взгляд дворецкого, граф тотчас подавил усмешку.

– Скажите графине, что прибыл военный министр по очень важному делу.

– Хорошо. Вас проводят в комнату для гостей.

Подозвав к себе движением пальца молодого слугу, старик распорядился:

– Отведи господина военного министра в комнату.

По тому, с какой уверенностью распорядился дворецкий, было件ятно, что он пользуется немалым доверием хозяйки.

– Слушаюсь.

Комната для гостей больше напоминала огромный зал, стены которого были украшены комбинированным оружием. Высокие оконные проемы были выложены мозаичным стеклом, и солнечный свет, проникая в комнату, расплывался на полу радужным светом. Вряд ли нынешняя хозяйка собирает оружие. Скорее всего, такая великолепная коллекция досталась ей вместе со стенами. Противоположная стена была заставлена щитами тамплиеров, а в самом углу на почетном постаменте был установлен меч. Судя по сохранившейся надписи, он принадлежал великому магистру ордена.

Время шло, а хозяйка не появлялась. Типичная женская месть. Можно прождать очень долго, и ничего тут не поделаешь, если того требуют государственные интересы.

Графиня Корф появилась в длинном красном платье. Наверняка для встречи с Йонссоном она подобрала один из лучших своих нарядов. Следовало оценить его по достоинству, женщины не прощают невнимания.

– Графиня, я не перестаю поражаться вашей красоте. Со дня нашей последней встречи вы стали еще более прекрасной. Вы не откроете секрет своей молодости?

– Здесь нет никакого секрета, граф. Просто нужно любить и быть любимым, – отвечала графиня. – Что вас привело ко мне? – спросила она, подходя к небольшому столику.

Граф Йонссон учтиво подождал, пока графиня присядет, после чего занял место напротив, отбросив полы камзола. Если думаешь выиграть в главном сражении, так поступишь в малом.

– Маленький пустяк, графиня. Меня к вам отправил король, – уверенно произнес граф.

Длинные ресницы графини дрогнули, выдавая волнение. За легкой безмятежной улыбкой женщина попыталась спрятать невольную растерянность. Больше ничем она не выказала нарастающее смятение.

Граф в который раз похвалил себя за правильный выбор.

– Ах, вот как... И что же хочет от меня король? Помнится, мы расстались с ним не самым лучшим образом.

– Вы даже не представляете, как он сожалеет об этом.

– Вот как. Никогда бы не подумала.

– Он хочет извиниться перед вами, графиня.

– Не ожидала.

С такими женщинами, как графиня Корф, кроме обыкновенного такта нужна еще откровенная лесь. Чем бесстыднее она звучит, тем больше будет походить на правду. Тем более, если грубо льстит сильный и влиятельный господин.

– А еще король просит об одном одолжении.

В глазах Луизы блеснул огонек надежды. Карл XII молод, не исключено, что он не забыл свою первую женщину. Неужели надежды оправдались. И она наконец сумеет заполучить то, к чему стремилась? Почему бы не стать официальной фавориткой шведского короля? Всех своих любовниц Карл успешно выдал замуж. Следовательно, он приберет для своей первой женщины какую-то особую роль...

Граф не спешил продолжать разговор, наслаждаясь хладнокровием молодой дамы. Во внешности Луизы Корф не было ничего, что могло бы свидетельствовать о душевном надломе. По лицу графини даже невозможно было сказать нечто определенное о ее душевных переживаниях.

Господи, каких невероятных усилий стоила ей эта наигранная безмятежность!

– Он хочет, чтобы вы отправились в Россию.

Стоило ли военному министру сюда приезжать, чтобы так глуповато шутить? С минуту графиня смотрела на гостя, пытаясь распознать розыгрыш, а когда поняла, что все сказано всерьез, неожиданно громко рассмеялась.

– Теперь я понимаю, почему король послал ко мне военного министра. Только вы, со своим богатым военным опытом сумеете справиться с беззащитной женщиной. Король так на меня рассержен, что не желает жить со мной в одной стране. Так передайте ему мои слова: я никуда не уеду из Швеции!

Внешне графиня не изменилась, вот разве что интонации сделались более резкими, но на это можно не обращать внимания, если учитывать своеобразную ситуацию.

– Вы меня не так поняли, графиня. Король решил оказать вам доверие. Быть может, от ваших действий зависит судьба шведского государства.

– Даже так... Это что-то новое. С каких это пор судьба королевства зависит от воли женщины? И что же я должна делать?

– Вы должны влюбить в себя русского царя.

Самое забавное заключалось в том, что военный министр оставался совершенно серьезен.

– Зачем это нужно королю?

– Я не договорил. Вы должны не только влюбить в себя русского царя, но и уговорить его выехать следом за вами за границу. Предположим... в Саксонию.

– Почему именно я?

– Такая женщина как вы, графиня, способна влюбить в себя кого угодно. А русский царь Петр ничем не отличается от остальных мужчин. Он будет просто сражен вашей красотой. А потом нам достоверно известно, что он предпочитает именно такой тип женщин.

– А если я не оправдаю... доверие короля?

– Я уверен, что вы не захотите его разочаровать.

– Хорошо... Я так понимаю, что это сделка... И шведский король выступает поручителем.

– Именно так, графиня. Что вы хотите за свои услуги? Золото? Замок? Имение? Может, дворец?

Графиня отрицательно покачала головой:

– Граф, у меня все это имеется. Мне бы хотелось нечто большее.

– Все, что в моей власти... И во власти короля, – добавил граф после некоторой паузы.

Йонссон Грип предполагал, что разговаривать с графиней будет непросто, но вот только никак не подозревал, что диалог может перерасти в настоящую баталию.

– В последнее время король почему-то пренебрегает моим обществом. Мне бы хотелось с ним встретиться.

Графиня предложила самое трудное из того, что можно только представить. Продольная морщина на широком лбу графа углубилась. Неожиданно возникла еще одна проблема, которую предстояло решать.

– Я думаю, что король не станет возражать.
Переборов себя, военный министр улыбнулся.

* * *

Предстоящую встречу с Карлом графиня Корф представляла совсем иначе. Почему-то верилось, что randevу произойдет в приватной обстановке и наедине, в одном из королевских покоев, где за балдахинами будет прятаться широкая кровать. Графиня даже надеялась, что это будет та самая комната, где она впервые преподавала юному правителю уроки взросления.

Но получилось все по-другому.

Король пригласил свою бывшую любовницу в тронный зал, заполненный министрами и прочими приближенными. Когда Луиза переступила порог, сразу потерявшись в пространстве, Карл, насупив брови, сообщил о том, что ей доверят дело государственной важности, и подчеркнул, что все донесения из России будут поступать к его секретарю.

Графиня поймала себя на том, что в какой-то момент даже залюбовалась королем. В нем мало что осталось от того наивного юноши, которого она знала прежде. Карл изменился не только внешне – на щеках появилась густая светло-русовая щетина, черты лица поглубели, но и внутренне – король осознавал свое предназначение перед нацией.

Покидая тронный зал, графиня улыбнулась, догадавшись, что присутствие министров являлось своеобразной защитой шестнадцатилетнего короля от своей бывшей любовницы.

– Я буду ждать вас, графиня, – на прощание произнес король, и только она одна могла знать, какой именно смысл Карл XII вкладывает в эти слова.

Сомнения были отброшены в сторону, стоило графине представить лицо короля, наполненное печалью. Ей очень хотелось верить, что он грустит от расставания со своей бывшей возлюбленной.

– Тогда я спокойна.

– Хочу предупредить, ваша поездка не будет легкой.

– Что вы имеете в виду? – насторожилась графиня.

– Пришло донесение, что в настоящее время у царя Петра появилась новая фаворитка – Анна Монс. Первое, что вы должны сделать, так это отвести ее от Петра.

– Думаю, что это будет несложно. У женщин имеются свои хитрости.

– Вот, кажется, и все. Остается только пожелать вам успеха.

Чуть наклонив голову, король дал понять, что аудиенция закончилась.

* * *

– Самое главное, чтобы царь Петр ни о чем не догадался, – навязчиво наставлял военный министр, прикрыв за собой дверь кареты. – Не надо держать его за простака. Он не так наивен, как может показаться, и не так прост, как о нем говорят. Я бы вам посоветовал отказаться от всех ваших бриллиантов, что так идут к вашей великолепной коже, – кивнул граф Йонссон на колье, украшавшее высокую грудь графини. – А потом, русское общество не избаловано подобными украшениями. Они могут просто этого не оценить. Советую вам вести себя естественно, непринужденно. Тогда вы добьетесь его привязанности. Впрочем, не мне вас учить, вы и сами все это прекрасно знаете.

Карета была основательно подготовлена для дальней дороги: топчан, устланный мягкой периной; подушка, подбитая войлоком; стены утеплены шерстяной материей, а под коротенькой лавкой имелся даже горшок. Окна были хорошо подогнаны и не пропускали даже дуновение ветерка. В такой карете пристало путешествовать только королевским особам.

Военный министр сидел напротив графини и, внимательно всматриваясь в ее красивое лицо, пытался понять, о чем она думает. Выглядевшее совершенно спокойным, оно, казалось, было лишено малейшего движения мысли. Но Йонссон знал, что это впечатление обманчиво. В отличие от многих дам, графиня умела скрывать обуревавшие ее чувства, а кроме того, она была одной из умнейших женщин, с которыми его когда-либо сводила судьба.

– Безусловно, граф.

– Вы остановитесь у господина Христофора Валлина. Он родом из немецких баронов, но уже давно служит нашему королевству. В Москве барон имеет небольшой трактир. Весьма удачное место для встреч с агентами. Он предупрежден о вас. Можете на него полностью рассчитывать. Барон будет представлять вас как свою племянницу. Так что вам следует войти в роль. Впрочем, вам не привыкать. Валлин встретит вас у самой границы.

– Как мне узнать его?

– По шраму в правом уголке рта. Только не вздумайте спрашивать, откуда он его получил! – строго предупредил граф. – Он не любит этого вопроса.

– Но вы-то мне можете на это ответить?

По лицу графа Йонссона промелькнула снисходительная улыбка:

– Разумеется... Этот шрам он получил в трактире в одной пьяной драке. Однако это обстоятельство не мешает барону выдавать свой шрам за боевое ранение.

Графиня театрально закатила глаза:

– Ох, уж этот мир мужчин! Как мне выйти на царя Петра? Наверняка он сидит где-то во дворце.

– Вам не нужно будет искать царя Петра, – военный министр сдержанно улыбнулся. – Он сам вас найдет... В Немецкой слободе он бывает чаще, чем у себя во дворце. И мимо себя не пропускает ни одну хорошенькую девушку. Так что советую вам не удивляться его настойчивости. Позвольте мне дать вам совет уже не как военный министр, а как мужчина.

Тонкие губы дрогнули в снисходительной улыбке. Похоже, что эта женщина знала о мужчинах все.

– Интересно было бы послушать.

– Не уступайте сразу его настойчивости. Потомите Петра. Вы должны будете разбудить в нем настоящую страсть, только после этого она способна перерасти в настоящее чувство.

– Спасибо, – холодно отвечала графиня. – Я обязательно воспользуюсь вашим советом.

Йонссон вместе с вооруженным отрядом гвардейцев сопровождал графиню Корф до самой границы. Начальник отряда – двадцатидвухлетний капитан – озадаченно посматривал на женщину, не понимая, почему столь неслышанной чести удостоилась отставная любовница короля, ведь даже принцы крови не всегда бывают обеспечены столь почетным и многочисленным сопровождением. Но он старался держаться с графиней учтиво, как если бы именно ей был обязан повышением по службе.

Взглянув в окно, граф увидел, как капитан, заложив руки за спину, прогуливается по лесу. Однако стоило только встретиться с капитаном взглядом, как тот немедленно изобразил учтивость. Такому человеку можно доверить не то что куртизанку, но даже самого короля!

– Дальше вам придется ехать без эскорта, – произнес военный министр, но, заметив в глазах женщины огонек недовольства, попытался объяснить: – Поймите меня правильно, графиня. Все должно выглядеть очень естественно. Нам известно, что на границе со Швецией у русских имеются свои люди, которые докладывают князю Ромодановскому обо всех передвижениях. А столь пышное сопровождение, да еще в такой шикарной карете их может только насторожить. Невольно может возникнуть вопрос, откуда у племянницы обыкновенного трактирщика столь богатые покровители? Так что на самой границе вам придется расстаться не только с эскортом, но еще и с этой роскошной каретой. И пожалуйста, не протестуйте! Слишком многое поставлено на карту.

– Я понимаю, господин министр, – не очень уверенно отвечала графиня. – Я сделаю так, как вы желаете. Надеюсь, что моя карета останется в целости? Ее в прошлом году мне подарил саксонский курфюрст, когда я была проездом в Дрездене.

– О, не беспокойтесь, графиня! – энергично заверил Йонссон. – С каретой ровным счетом ничего не случится, я даже приставлю к ней охрану.

В какой-то момент Луиза стала колебаться. Мучила неопределенность. Она будто бы опять оказалась в далеком девичестве, когда ее покупали за горсть монет. По-существу совершенно ничего не изменилось. Вот только вместо серебра сейчас она могла рассчитывать на благосклонность короля.

Открыв дверь, министр спрыгнул на землю. Молоденький капитан предупредительно подскочил к нему.

– Капитан, – отстранился Йонссон, – выведите графиню из этого леса. Мало ли чего... Эти леса полны разбойников. Дальше будет небольшая деревенька. Оттуда она будет уже добираться самостоятельно.

– Слушаюсь, ваша светлость. А как же вы?

– Для сопровождения мне достаточно одного человека. Мне тоже нужно спешить, король ждет моего доклада.

* * *

У самой границы с Россией графиня Корф предусмотрительно поменяла шелковое платье на обыкновенный сарафан. Покружилась вокруг зеркала, нашла, что он ей очень к лицу. Конечно, о великолепии и речи быть не могло, но дорогая парча должна подчеркнуть, что она не столь бедна, если позволяет себе такую роскошь, как путешествие по Европе. Не помешали бы и золотые украшения, но только в качестве детали. Подумав, пристегнула на шею золотой медальон – семейную реликвию, доставшуюся от бабушки. В чем-то она повторяла ее судьбу. В молодости бабушка тоже была любовницей барона, от которого впоследствии прижила первенца. В знак своего расположения тот подарил возлюбленной фамильный медальон. С ним она отправилась покорять Саксонию. Именно бабушкин медальон впоследствии принес Луизе первую крупную удачу.

Остается надеется, что капризная фортуна не отвернется от нее и на русской земле.

– Христофор, – позвала графиня.

На ее окрик вышел простоватый мужчина лет сорока, одетый в темно-синий камзол. Добродушное лицо, косматые брови. Он больше напоминал слугу, чем отставного гвардейца его величества. Три года барон прожил в Немецкой слободе, прекрасно знал русский язык и теперь был незаменимым провожатым. Поговаривали, что Христофор является правой рукой военного министра. Если граф отправил его в Россию в качестве провожатого, то, следовательно, предстоящему визиту он придает большое значение.

– Как вы справляетесь с русским языком? – неожиданно спросил Христофор.

– Ничего, осваиваю, – отвечала графиня.

– С вашими способностями вы выучите его быстро. Тем более, что в Москве у вас будет большая практика. И еще у меня к вам одна просьба... Держитесь со мной, как со слугой.

Графиня была смущена:

– Право, мне неловко. Насколько мне известно, вы барон!

Губы Христофора Валлина слегка изогнулись. Похоже, что к своему титулу он относился очень спокойно.

– Ради интересов государства я готов стать и слугой. А теперь давайте в дорогу. И еще вот что хочу сказать. Когда мы будем пересекать границу, лучше, если разговаривать буду только я. По своей природе русские очень недоверчивы. А опыта общения с ними у меня немало.

* * *

Уже через полчаса они подъехали к границе с Россией.

Возле небольшой сторожки, закинув бердыши на плечи, сгрудились стрельцы. Еще двое в красных длинных кафтанах стояли на карауле и придирчиво всматривались в каждую подъезжающую карету. Дошла очередь и до графини.

– По каким делам к нам, господа? – спросил один из стрельцов.

– Едем навестить дядю, – произнес барон, слезая с козел.

Христофор не унаследовал ровным счетом ничего от своих предков, воинственных викингов. Внешне он воплощал собой образец христианского смирения. Угодливая улыбка растянула тонкие губы, показав щербину на передних зубах.

– А бумага имеется?

– Как же, государь, имеется! – отвечал барон на приличном русском языке. – Пожалуйста, – протянул он бумагу, завернутую огромной, в половину листа, печатью.

Стрелец взял грамоту, внимательно прочитал. Но возвращать документ не торопился.

– Табак везешь? – недоверчиво поинтересовался стрелец.

– Не на продажу, только для себя.

– Откуда русский так хорошо знаешь?

Спросил задорно, но вот глаза не смеялись. Смотрел он зорко и внимательно улавливал каждое движение иноземца. От такого взгляда не спрячешься.

– У меня в Москве проживает племянник. Гостил у него два года назад. Вот и выучил язык.

– Ишь ты, смысленый, стало быть, – протянул стрелец, продолжая держать в руке бумагу.

Русская таможня считалась одной из самых подозрительных в Европе. В нее подбирались преданнейшие царские слуги, умевшие за праздным расспросом опознать крамольного купца и злобного супостата. Но спорить не полагалось, а то еще развернут карету и отправят восвояси.

У самого бора, прижавшись бревенчатым бочком к торчащим веткам, стояла крепкая в две клетки изба. Второй этаж занимал глава таможни, а вот в первой клетке устроена была темница, где коротали свои денечки нерадивые иноземцы.

– О, мне помогли! – восторженно протянул барон, преданно заглядывая в глаза стрельцу.

– Кто же тебе помогал? – с задиристым смешком поинтересовался стрелец. – Уж не солдатка ли какая?

– О, да! – легко согласился барон. – Русские женщины такие приветливые.

– А где же твоя попутчица? Чего же она не выходит?

– Луиза! – громко позвал барон.

Дверь кареты негромко скрипнула и, подобрав платье, на каменистую дорогу сошла графиня. Суровый взгляд стрельца сам собой размяк, уголки губ поползли вверх.

– Чего же ты такую паву прятал? – И махнул рукой стрельцу, стоящему у караула: – Пропускай! Такую красу в Москву везут. Держи, – протянул он документы.

Сунув бумаги в карман камзола, барон скорым шагом заторопился к экипажу, пряча в густой бороде лукавую улыбку.

Надо уезжать, пока чего доброго не раздумали.

Глава 4

ГРАМОТА ШВЕДСКОГО КОРОЛЯ

В последний год большую часть времени Василий Васильевич Голицын проводил в своей усадьбе, которую выстроил на берегу Яузы. Дом ничем не уступал его апартаментам, построенным в самом центре Москвы, а в чем-то даже их превосходил. На огромной территории были вырыты пруды, в которых плескались золотые карпы. Вдоль аллеи располагались беседки, в которых гости могли уединиться для беседы. Дорожки были выложены брусчаткой, а потому даже в самую распутицу в саду не встретишь грязи. Территорию усадьбы забором Василий Васильевич намеренно не огораживал.

Загородную резиденцию князь Голицын выстроил специально для Софьи. Это было едва ли не единственное место, где они, не опасаясь чужого взгляда, могли коротать денечки. Софья Алексеевна всегда приезжала к Василию Голицыну без пышного сопровождения, в обыкновенной карете и, оставив слуг у ворот, топала до дверей князя в одиночестве.

Князь Голицын всегда встречал ее у порога и, взяв под локоток, бережно отводил в покои. За закрытыми дверями они часто проводили по несколько дней кряду. Поговаривали, что Софья Алексеевна, не стыдясь князя, шастала по дому в одном исподнем, но вряд ли кто из челяди был способен взглянуть на стыд государыни.

По всему периметру дворца, вооружившись пищалями, несли караул стрельцы.

Князь Голицын вставал рано, едва ли не в самую темень. Утренними часами он дорожил особенно. Это было время, когда он всецело принадлежал себе. Но на сей раз просыпаться ему не хотелось. Софья Алексеевна, прижавшись к его руке, тихо посапывала. Будить ее не хотелось, а проснуться она могла от малейшего прикосновения.

Вспомнив прошедшую ночь, Василий Васильевич невольно улыбнулся: жена никогда не была с ним столь откровенна, как царевна. Каждую ночь Софья воспринимала, как божий дар, а потому отдавала себя всю без остатка. Брала от близости все до последней капли, а потому с легкостью расставалась с исподней только для того, чтобы почувствовать прикосновение его тела.

Жена, даже нарожав детей, никогда не снимала при нем с себя исподнюю, не позволяла глазеть на оголенные ноги. Единственное, что допускалось в близости, так это шарить жадной ладонью по ее плоскому животу. Прикрыв глаза, князь Голицын подключил свое воображение. Вот только частенько память подбрасывала ему полноватое и жадное до утех тело царевны.

Софья Алексеевна лежала неприкрытая, одеяло валялось в ногах, сбившись в ком. Дородная. В телесах. Такую, как ни мни, не убудет! Все только на пользу. Венерины бугры, свесившись, занимали едва ли не полпостели. Такие перси в ладошке не уместить, их нужно брать в охапку. Талия необъятная, в два обхвата. На таких телесах не то что поелозить, заблудиться можно!

Золотой крест с рубинами на перекладинах лежал на табуретке поверх исподней. Государыня снимала его с шеи всякий раз, прежде чем лечь в постель к князю. А на мизинце – крохотное серебряное колечко, которое князь подарил ей после того, как впервые познал. Надев однажды, Софья не сняла его ни разу. Колечко выглядело весьма скромно среди золотых перстней с рубинами, что унизывали ее толстые короткие пальцы. Однако тоненьким колечком она дорожила куда больше, чем праздничной парчой.

На спящую государыню можно было смотреть бесконечно долго. В эти минуты она всецело принадлежала ему. На князя накатила неожиданный порыв нежности: царевну хотелось приласкать, побаякать, как ребенка. Не удержавшись, Василий Васильевич дотронулся кончиками пальцев до ее круглого подбородка, в ответ ему досталась легкая лукавая улыбка. Казалось, что женщина не спала и догадывалась о его намерениях.

С недавних пор жизнь Голицына определяли две женщины: государыня Софья Алексеевна и жена Евдокия Ивановна. Столь непохожие друг на друга, они отыскивали в его душе место и существовали там по отдельности. Князь буквально сросся с ними, и если бы случилось так, что одна из женщин исчезла из его жизни, он почувствовал бы себя несчастным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.